

ИНГАР ЙОНСРУД

КРЕСТ

18+

«Крест» — самый совершенный
и масштабный текст трилогии Йонсруда.
Неудивительно, что читатели в 20 странах
были от него в восторге.

Dagbladet

Ингар Йонсруд

Крест

Серия «Триллер по-скандинавски»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67816379

Крест:

ISBN 978-5-17-111288-2

Аннотация

Руководитель консалтинговой фирмы Хенри Фальк и неизвестная женщина найдены мертвыми на автомойке. На машине, в которой были обнаружены тела, выведено слово «предатель». Это жестокое двойное убийство, обставленное как казнь, вызывает много вопросов, однако кажется, что ответы на них знает журналистка Бенедикте Штольц, которая активно собирала информацию о Фальке.

Но через несколько дней девушка бесследно исчезает, и ситуация становится только запутаннее, тем более что, помимо покойного, Штольц интересовал и отец главного инспектора Фредрика Бейера...

В ходе расследования обнаруживается все больше и больше связей с прошлым Фредрика. Улики, найденные в деле Фалька, вынуждают инспектора вернуться к делам, которые он считал давно закрытыми.

И кажется, что никому нельзя доверять, даже верная Кафа Икбаль что-то скрывает. Сможет ли Бейер решить эту сложную головоломку в одиночку?

Содержание

Часть 1	7
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	22
Глава 4	30
Глава 5	36
Глава 6	41
Глава 7	47
Глава 8	50
Глава 9	59
Глава 10	65
Глава 11	74
Глава 12	82
Глава 13	89
Глава 14	97
Глава 15	106
Глава 16	114
Глава 17	125
Глава 18	132
Глава 19	138
Глава 20	142
Глава 21	151
Глава 22	156

Глава 23	163
Глава 24	168
Конец ознакомительного фрагмента.	174

Ингар Йонсруд

Крест

© Ingar Johnsrud, 2018

© Назарова М.В., 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Часть 1

Глава 1

Стеариновая свеча пустила одинокую слезу, пастор сложил руки для молитвы. Молился он тихо, что-то прося для себя. Его губы шевелились быстро, слова молитвы звучали в такт с биением его сердца. Пастор разомкнул соединенные пальцы и открыл глаза.

Он увидел своё мерцающее отражение в продолговатом окне на самом верху стены. На улице было темно, и пастор слышал за окном лёгкий мелодичный шелест мягко падающего снега.

На отблеск пламени свечи на стекле опустилась тяжелая снежинка. От тепла из дома она растаяла, и алое пятнышко пламени исчезло. Свет растекался по комнате словно круги на тихой воде, придавая краски полу, кресту и Библии. Когда сияние окружило коленопреклонённую фигуру священника, тот знал, что это был не свет, а глас Божий.

Выпавший снег очистил землю, и рождественская ночь стала светлой. Пастор подумал о целомудрии, много лет назад вернувшемся на землю на Рождество. Целомудрии, которое проложило новую тропинку в жалких земных душах. Всё обрело смысл. Железная решетка на окнах. Железные

нары с тоненьким матрасом, стоявшие у кирпичной стены. Неровная, с буграми, поверхность потолка подвала, иногда казавшаяся пастору облаками, и тяжелая дверь с окошком, к которому пастору приходилось принакаться, чтобы выглянуть наружу.

Все наполнилось значением, и всё говорило с ним ясным, чистым голосом. Пастор закрыл глаза, сложил руки и снова стал молиться. На этот раз медленно и уверенным голосом.

Щелкнул замок, и в камеру вошёл охранник, худой тип со впалыми щеками. Его звали Рикард, и, несмотря на их с пастором разницу в положении и сословии, они хорошо ладили. Иногда Рикард, приковав к нарам руку пастора, садился рядом с ним, и они разговаривали. Раньше, до того, как всё стало плохо, охранник был спортсменом. Он часто обращался к одному эпизоду из своей жизни. Теревил кольцо, которое носил на цепочке на шее и спрашивал пастора, существует ли прощение за такое. В эти моменты губы пастора растягивались в улыбке и взгляд смягчался.

– Конечно же, прощение есть, – отвечал он, подняв подбородок. – Для того, кто верует, есть прощение за все.

Но интересовали пастора не разговоры охранника, а его молчание. Рикард мог часами слушать рассказы священника. О стаях саранчи, которые Бог наслал на египетский народ. О всемирном потопе, который очистил землю от неправедной жизни и безбожия. О пришедших в Америку испанцах и болезни, которую они принесли с собой. Об оспе, за

несколько лет уничтожившей могущественную империю ацтеков и опустошившей практически весь континент, освобождая путь христианству.

– Ничто не укрепляет веру сильнее, чем страдания и кровь. Поэтому меня и держат здесь, – говорил пастор.

– Библия, стеариновая свечка, две спички, блюдце, стакан, кофейная чашка, нож для масла... – Охранник поднял голову. – А крест?

– Крест? – переспросил пастор. – Для сегодняшней молитвы мне крест не выдавали.

Рикард посмотрел на листок бумаги, который держал в руке. Затем снова перевёл взгляд на лежавшие на полу предметы и нахмурил брови.

– Я надеялся, мы с этим покончили.

Проверив кровать, под матрасом и в одеяле, посветив фонарем на подоконники, за батареей и туалетным бачком, он повернулся к пастору.

– Извини. Ты знаешь, что нужно делать.

– Мне правда сегодня не давали крест.

Охранник наклонил голову вбок и стал ждать.

Пастор медленно стянул с себя широкую рубашку. Демонстративно потряс ею и отбросил на пол. Затем скинул брюки. Глаза пастора и охранника встретились, и тот грустно вздохнул и перевёл взгляд на пах пастора. Пальцы священника скользнули под резинку трусов. Раздевшись догола, он

приподнял вялый пенис, а затем и яички.

– Повернись спиной и сядь на корточки.

– Я человек Бога. Неужели ты думаешь, что я засунул себе в задний проход символ веры в божественную силу?

Нетерпеливо дыша, Рикард быстрым движением провернул указательный палец вокруг своей оси. Поднявшись из своего унижительного положения, пастор повернулся и потянулся к потолку, достав до него кончиками пальцев. Выпрямив сжатые пальцы ног, он почувствовал, что предмет, который он в них сжимал, выпал. Священник отступил на несколько сантиметров назад.

– Видишь? Нет никакого креста.

– А это что? – охранник наклонился вперед и прищурился, смотря на деревянные щепки у ног пастора.

Пастор знал: если ищешь Бога, ты найдешь его везде. В ветре, колышущем верхушки деревьев. В червях, пожирающих труп птицы. Бог в генетическом материале продвинутых вирусов и в том, что Господь позволил человеку управлять вирусом. Бог – это время. Тающие ледники. Камни, перемалывающиеся в песок и трескающийся и превращающийся в пыль бетон. Так случилось с бетоном на потолке в подвале пастора. Он расковырял там трещину, пока щель не стала достаточного размера, чтобы вместить длинный конец заточенного креста. Весь крест пастору спрятать не удалось, но это было не очень важно. Кто будет рассматривать потолок, который уже столько раз видел раньше? Уж точно не

Рикард.

Пастор вытащил крест из трещины. Рикард едва успел поднять голову и прикрыться рукой. Резанув заточкой вытянутую руку охранника, голый священник схватил его за воротник и дернул к себе. Качнувшись и вскрикнув от боли, охранник упал. Пастор выбил из него воздух, прыгнув на спину коленями, и, взяв за волосы, оттянул голову наверх и с силой ударил костлявым лицом об пол. Раздался звук лопнувшей кожи и хруст хрящей. Лужа крови окружила голову на бетоне, а тело под пастором сотрясали судороги.

Пастор нашёл нужную точку между верхними шейными позвонками и вонзил туда окровавленный заточенный конец креста. Он хотел навалиться всем телом, но помедлил. Поднял голову в поисках отражения этой варварской картины в окне. Стекло было сплошь покрыто белоснежными хлопьями. Нетронутый холст. Новая жизнь. Еще один шанс.

– Спасибо тебе, Господи, – пробормотал он.

Глава 2

Восемь недель спустя

Когда Господь хотел поведать человеку о грусти, то насылал на Осло бесснежный февраль.

Камешек, прилипший к подошве ботинка инспектора полиции Фредрика Бейера, когда он вошел в средневековый зал замка Акерсхюс, громко постукивал по половым доскам.

Длинный стол был накрыт на семьдесят два гостя. Многие уже заняли свои места под историческими портретами фельдмаршалов и монархов. Тезка инспектора, Фредрик IV, высокомерно смотрел с полотна, сидя на спине вставшей на дыбы лошади. Впереди виднелись тёмные волнистые волосы Кафы Икбаль, и Фредрик заключил, что форменная фуражка шла ей больше, чем ему. Фредрик не помнил, когда в последний раз надевал полицейский парадный костюм или ботинки с тупым носом, но предполагал, что это было на похоронах.

Он узнал государственного советника и нескольких других шишек из Министерства юстиции, высших чинов из управления полиции, начальника управления Тронда Антона Неме и лощеного главу отдела по борьбе с преступностью Себастиана Косса. Кафа выдвинула стул, и Фредрик понял, что будет сидеть рядом с ней.

– Вот умора, Бейер. Ты что, хочешь стать приближенным

к партии?

Голос принадлежал мощному типу, сидевшему напротив, с круглым землистого цвета лицом и торчащим из-под фуражки ежиком волос.

– Франке, – отозвался Фредрик, кратко кивнув. – Я думал, ты сегодня на мытье посуды.

Франке Нуре мрачно засмеялся и чересчур сильно толкнул локтём свою соседку по столу, щуплого воробья из министерства.

– Тридцать лет в униформе, – сказал он, многозначительно кивнув на медаль на груди. – Знаете, дамочка, когда я начинал работать в полиции, мы думали, что компьютерный вирус – это заболевание, передающееся половым путем. А дискета – это симптом. – Он расхохотался и потянулся за бокалом. – Я видел, как мальчишки на побегушках становились мафиози. А финансовые магнаты с золотыми часами и кокаиновыми усами заканчивали жизнь страдающими СПИДом героинщиками. – Когда он поднёс бокал к губам, его рука едва заметно задрожала.

– У вас наверняка была долгая интересная карьера, – сказала женщина. – Наверное, скоро собираетесь на пенсию?

– Да, страшно на это надеюсь, – ответил Франке и положил руку на спинку ее стула.

– Эта женщина постареет на пару лет еще до того, как закончится вечер, – шепнула Кафа. Фредрик усмехнулся и серебряной вилкой выковырнул камешек из подошвы.

Почти четыре года прошло с тех пор, как они познакомились. Кафа была одним из специалистов Службы безопасности полиции в области религиозного фундаментализма и участвовала в расследовании бойни в христианской секте. Позже она перешла в отдел по борьбе с преступностью, в котором работал Фредрик, и с тех пор там и осталась. Именно поэтому они оба сидели сегодня здесь, в Римском зале крепости. Около года назад Фредрик с Кафой предотвратили террористический акт – нападение на премьер-министра Норвегии, Симона Риббе, и сегодня Риббе и правительство пригласили их на благодарственный ужин. Явка была обязательна. А поскольку в этом году предстояли выборы, Риббе позаботился о том, чтобы на мероприятие были приглашены лучшие из лучших – бизнесмены, политики и журналисты.

Когда в зал вошел Риббе, разговоры за столом перешли на шепот. Премьер-министр воспользовался дверью в нижней части зала и неторопливо обходил всех собравшихся. Тем, кого он не удостоил рукопожатием, досталось подмигивание или всего лишь кивок головы, в зависимости от того, кем их считал премьер – сочувствующими или проблемными. На середине пути Риббе остановился. Вставший для рукопожатия человек был известен всем – лидер рабочей партии Трюм Дал. Фредрику пришло в голову, как похожи эти двое – премьер-министр и лидер оппозиции. Обоим под шестьдесят, слегка седеющие и с худыми лицами – таких представляешь себе, когда думаешь о марафонцах, умерших от инфаркта на

четвертой миле. На политиках были темные узкие костюмы. У Риббе бросающийся в глаза галстук синего цвета, у Дала – как будто окунулся в кровь рабочих.

– Старший офицер, – кивнул Риббе Фредрику и протянул руку Кафе. – И Икбаль, если память мне не изменяет? Как там ваша дочь?

Кафа с удивлением покачала головой.

– Имя верное, но дочери у меня нет, – быстро ответила она.

Премьер закатил глаза.

– Прошу меня извинить. Столько лиц. В любом случае, спасибо вам за ваш вклад в дело защиты родины. Именно вам посвящен сегодняшний праздник. – Он щелкнул каблукми, подошел и встал за стулом с высокой спинкой во главе стола и дождался, пока шум в зале стихнет.

После главного блюда Фредрик воспользовался возможностью выйти. Яркий свет факелов отбрасывал танцующие тени на стены крепости, запах парафина бил в нос. Каменные стены усиливали звук шагов. Пройдя по мосту через ров за стеной крепости Фредрик остановился, откинул голову назад и стал слушать заунывную песню веревки, бьющей по флагштоку. На темном небе был жирно обведен молодой месяц. Острые снежинки кусали щеки и ложились на стекла очков. Неужели на этот город наконец снизошел снег?

За спиной Фредрика раздался стук тяжелых каблукми по

деревянному мосту.

– Фредрик Бейер?

Он опустил голову и обернулся. Ему протянула руку женщина с красивым узким лицом. Светлые волосы ниспадали на плечи, и он точно знал, что видел ее раньше.

– Да?

– Я заметила, что вы сидели среди почетных гостей и надеялась с вами познакомиться. – Ее рука была костлявой, как у старушки, хотя ей явно было едва за тридцать. – Бенедикте Штольц, – представилась она, с усилием выдвинув вперед нижнюю челюсть.

Фредрик понял, где ее видел. Бенедикте Штольц – репортер с ТВ2. Он помнил ее по документалке о договорной коррупции. Фильм получился просто огонь.

– Я знаю, кто вы, – сказал он. – Мне нельзя говорить с журналистами.

– Говорят, вы – честный коп?

Фредрик был высокий, почти метр девяносто, но ему не пришлось склонять голову, чтобы встретиться с ней взглядами.

– Вы поэтому здесь? Ищете порядочных людей? – Он сухо засмеялся. – Вы знаете, что зал набит политиками?

Она не засмеялась.

– Вы же сын Кена Бейера, верно?

Фредрик склонил голову набок. Что это сейчас было? Его отец умер больше двадцати лет назад. Бюрократ, проводший

все свое время за письменным столом.

– Если я не ошибаюсь, ваш отец работал на американцев? В посольстве?

– Работал.

– Понимаете, я составляю обзор. Речь идет о совместном норвежско-американском военном проекте во время холодной войны. В этой связи всплыло имя вашего отца. Я пытаюсь выяснить, в чем заключалась его работа.

Фредрик вежливо улыбнулся и жестом показал, что собирается вернуться на праздник. Между каменными стенами в подворотне Фредрика и Бенедикте сопровождал прохладный ветер.

– Простите. Я не очень знаю, чем именно занимался мой отец, но поверьте мне, интересным человеком он не был. Думаю, вы ищите не того Кена Бейера.

– Возможно, – сказала журналистка. – Может, название Равнли вам о чем-нибудь говорит?

– Нет.

У лестницы в замок стояли трое мужчин, одетых в костюмы. Видимо, они слышали шаги Фредрика с журналисткой, потому что один из них, толстый мужчина средних лет с выпученными глазами и красными щеками, посмотрел в их сторону. Затем сжал руку в кулак и направил толстый средний палец вверх.

– Твою мать! – воскликнул Фредрик. – Этот мудака что, только что показал мне фак?

– Думаю, этот жест предназначался мне, – сдержанно произнесла Бенедикте. – У нас с ним сегодня вышла небольшая стычка.

– Стычка?

Она пожала плечами.

– Да просто разговор. Вы знаете, кто он?

– Нет.

– Хенри Фальк, замдиректора консалтинговой компании «Форманд-Бернье». Он работает над проектом для государства, но никто не признается, что это за проект. Все под грифом секретности. Говорят, назревает скандал.

– А вы что, пришли... разнюхать? Я думал, вы со мной хотели поговорить.

– Не хотела заставить вас ревновать. Но такие мероприятия, где столько важных шишек в одном месте – богатые пастбища для нас, тех, кто хочет разузнать, что творится за закрытыми дверями. Но, как вы понимаете, разговаривать со мной он не станет.

– За закрытыми дверями, – фыркнул Фредрик. – Удачи вам. Что касается моего отца, думаю, вам стоит перепроверить свои источники. Мне пора назад. Сейчас будут разыгрывать торт.

Когда он уже собрался уходить, журналистка достала из кармана визитку, нацарапала на обратной стороне номер и попросила Фредрика позвонить, если он передумает.

– Никто не будет знать, что мы с вами говорили.

– Это меня не пугает. Я не собираюсь звонить вам.

Было уже поздно, когда дверь в бар открылась, и Фредрик, впустив в помещение клубы табачного дыма, пошатнувшись, нащупал перила. Откуда-то сверху доносился мягкий звук саксофона Лестера Янга, разбавленный смехом и разговорами, и аромат стеарина.

Вообще-то, после праздничного ужина он собирался домой. Но в укрывших город хлопьях снега было что-то обнадеживающее, словно они скрыли его грехи. Поэтому, когда Фредрик сел на заднее сиденье такси, мысль о том, чтобы открыть дверь, войти в темную квартиру, тоскливо онанировать, а затем вновь пройти через старый кошмар, показалась ему невыносимой. Фредрик стукнул рукой по подголовнику и попросил водителя отвезти его в Грёнланд. В место, где, он знал, всегда найдется лекарство от его болезни. На дне стакана и в чьих-нибудь объятьях.

На календаре среда, но в джаз-баре «Paris H» были выходные. Фредрик присмотрел место за барной стойкой, между посетителями в дизайнерских очках и с бородами после барбершопа. Станным образом соседи за стойкой рассосались, и бармен, подмигнув, ухмыльнулся.

– Вы из службы проверки лицензии на алкоголь?

– О чем вы?

Пьер сделал шаг в сторону, чтобы Фредрик увидел свое

отражение в зеркале.

– Ох, блин, – простонал он. Фуражка на голове перекосилась, а на плечах мундира сверкали золотые погоны. Полицейская медаль с веткой лавра, которую несколько часов назад прикрепил ему на грудь премьер-министр, болталась над бокалами.

– Бал-маскарад, – пробормотал он. – Можно работяге что-нибудь выпить?

– Скотч?

– Для виски поздновато, Пьер. Дайте мне что-нибудь. Лучше кислое и бесцветное.

Фредрик поерзал на стуле и положил локти на стойку. В вазах, балансировавших на пьедесталах в стиле барокко, стояли ветки с листочками, что придавало местечку налет тридцатых. Джазовые плакаты на стенах были из пятидесятих, а сам Фредрик – из шестидесятых. Здесь они и он были единственными музейными экспонатами, насколько он мог судить. Черт побери, какие все стали молодые.

– Пьер?

Фредрик уловил аромат духов. Сладковатая ваниль с корицей. Он слегка вздрогнул, ведь когда-то знал одну женщину, от которой так пахло, но голос принадлежал другой. Этот был ржавый. Грубый.

– Он понятия не имеет, как меня зовут, – услышал Фредрик ответ бармена. – Думает, что название «Paris H» как-то связано с Францией.

Женщина доставала Фредрику до груди. Темно-рыжие волосы до плеч уложены феном. На ней был серый офисный костюм, а через блузку просвечивало нижнее белье.

– Фредрик, – сказал он, протягивая ей руку.

Ее губы были покрашены в цвет волос, и она посмотрела на него своими синими как океан глазами. Не совсем в его вкусе, но эта улыбка. Похотливая, флиртующая. Животная.

– Очень приятно, офицер, – сказала она, пожав ему руку. На руках дамы были гладкие кожаные перчатки.

Бармен придвинул Фредрику пахнущий сосной напиток.

– Еще один даме, Пьер, – велел Фредрик, не отрывая от нее взгляда. Она провела кончиком языка по верхней губе, открыла кошелек и протянула бармену несколько купюр.

– Не сегодня, дружок, – ответила она, подмигнула и исчезла.

Глава 3

Железный ящик с оборудованием факира с грохотом рухнул на асфальт. Леонард Руди присел на корточки и положил ноющую руку на свежавывавший снег. Под покрасневшей кожей уже начала скапливаться жидкость. Завтра волдырь будет похож на садовую улитку, и станет ужасно больно.

– Извини, – сказал Леонард. – Мне нужен перерыв. Нужно чем-нибудь помазать руку. Тут поблизости есть аптека? – Он посмотрел на девочку, с которой познакомился утром. Ее звали Тура. Широко расставив ноги, она стояла у проселочной дороги в Маридалене, между лесов и полей, в десяти минутах езды к северу от города. Это директор спросил, есть ли у Леонарда место для нее в машине. Рука девушки была такой маленькой, что он мог спрятать ее в своей, но рукопожатие было крепким и уверенным. Вместе с компанией других циркачей Леонард и Тура развлекались за просмотром премьеры унылого приключенческого фильма в кинотеатре «Колизей».

Теперь они ехали домой, шел снег и дул ветер, но на ней были только незашнурованные «Доктор Мартинс» и обтягивающий комбинезон из кожи. Ее маленькие груди выпирали из-под него, а в пирсинге ямки на шее на бледной коже торчало кольцо. Афрокосички завязаны в пучок, и Леонард подумал, что вульгарный внешний вид делает ее старше, чем

она есть на самом деле.

Тура надменно посмотрела на него. Видимо она считала, что холод и боль нужно игнорировать. Когда-то и Леонард так думал, но даже двухметровые фрики с татуировками на лице и длинными как у викингов волосами становятся умнее, когда в бороде появляется седина.

– Че случилось-то? – спросила она, когда они поставили длинный ящик с факелами, мечами и маслом для лампы на пол.

– Тренога под костром перекосилась. Видимо, у меня на руке были остатки масла – когда я решил поправить подставку, рука загорелась.

– Ну, выглядит очень круто, – сказала Тура. – Думаю, те знаменитости были в восторге. Аптека есть на вокзале, она всегда работает. Если заедем по пути, могу сбегать купить.

Когда они вернулись на парковку, все циркачи уехали. Леонарда и Туру дожидался только директор. Он не выказал никакого намерения помочь, пока они затаскивали ящик на заднее сиденье старенькой «Вольво 244» Леонарда.

– Ты не замерзла, моя девочка? – обратился директор к Туре и щелкнул резинкой по стопке пятисотенных купюр. – Хочешь, я тебя согрею?

Она харкнула ему между ног.

– Может, глотатели огня не мерзнут, – сказал он и протянул каждому по пять купюр. – Получишь еще одну, если спустишь свой комбинезон.

– Я не глотаю огонь. Я им плююсь, – ответила Тура, скрутила купюры и убрала в сапог. – Как дракон. Может, однажды я приду и выжгу твои мерзкие пороссячьи глазки. – Она содрогнулась.

Директора не особенно задело ее высказывание.

– Хорошо поработал сегодня, – сказал он Леонарду. – Помажь чем-нибудь руку, я позвоню, когда будет еще работа.

– Где ты живешь? – спросил Леонард, когда Тура вернулась из аптеки с кремом алоэ.

– Высоко в лесу. – Тура плюхнулась на сиденье и откинулась на спинку кресла вместе с рюкзаком, который болтался у девушки на спине. Он был из розового меха, с усами, милыми глазками и острыми ушками. Тура положила между ног пачку сигарет и натянула капюшон худи на голову.

– Недалеко от того места, где ты меня подобрал. А ты?

– Тоже там. В Маридалене. В старой усадьбе.

Тура потянулась к рычагу, чтобы открыть окно.

– Он не работает, – сказал Леонард. – Кури так.

– А ты не боишься рака?

– Я весь вечер стоял с полным ртом масла для лампы. Не думаю, что твоя сигарета как-то на меня повлияет.

Девушка звонко рассмеялась.

– Ты живешь один? Почему я тебя раньше не видела? В долине не то чтобы куча народу живет.

– Я живу вместе с дочкой. Мы недавно переехали сюда из

Брайтона на юге Англии. Захотелось вернуться домой. Маргарет тут не нравится.

Тура зажгла сигарету и стала смотреть на ее тлеющий кончик.

– Адский холод, – сказала она.

– Мою машину взломали. Видимо, электроника повредилась, когда вор вырывал радио. Обогрев теперь не работает.

Она сделала глубокую затяжку, выпустила несколько широких кругов дыма и кашлянула.

– Я имею в виду тут, в Норвегии. Особенно в долине. Отлично понимаю твою дочь. В Брайтоне, наверное, прикольно, да? Всякая там биодинамическая трава. Веганские магазинчики и подобная херь?

– Ага. У моего друга было такое заведение. Он знал одну банду, которая грабила фермы. Крали кур, чтобы те могли жить на свободе. Но куры-то не поняли, что им больше не нужно откладывать яйца. Тогда он начал продавать омлет. Веганские омлеты от освобожденных кур, так он их называл. Только так разлетались.

– Миленько, – сказала Тура, прислонив голову к окну. – А ты знаешь, что в долине убили кучу людей? Какой-то ублюдок с пулеметом уколошил чокнутых христиан.

Леонард засмеялся.

– Нет, я об этом не знал. Зачем он их убил?

Она высунула язык и свернула его трубочкой. Затушила об него сигарету, проглотила пепел и убрала окурок обратно

в пачку.

– Не знаю, зачем он это сделал. Но если бы я была ублюдком с пулеметом и встретила бы в лесу группу шизанутых христиан, я бы тоже так сделала. Мой брат катается там на лыжах. Но только когда светло. Говорит, ночью там привидения.

Леонард опять рассмеялся.

– Может, это кто-то из призраков спер мое радио, – сказал он.

– Да. А может, тот больной урод с пулеметом, – предположила Тура.

Она жила на одной из больших ферм в глубине долины. Когда Леонард остановился во дворе, входная дверь открылась, и на фары машины, прищурившись, посмотрела женщина. Тура помахала ей рукой.

– Это моя мама, – сказала она, наклонилась вперед и обняла Леонарда. – Спасибо, что подвез, викинг. Берегись привидений.

Снегопад усилился, когда Леонард свернул на разбитую дорогу, ведущую к маленькому красному деревянному домику. Циркач выключил двигатель и остался сидеть в машине. Город утопал во тьме и слякоти, но здесь, на небольшом расстоянии от центра, снег не растаял, а так и лежал. Деревья словно были покрашены двойной кистью, сверху белым, а внизу – темно-зеленым, а сутулые плечи елки напомнили ему о дочери. У нее тоже наступило зимнее истощение.

Конечно, Маргарет не нравилось жить с отцом здесь. Она ведь родилась в кипящем жизнью прибрежном городе, всего лишь на расстоянии небольшой поездki на поезде до Лондона и континента. Ей было двенадцать: на три пятых ребенок и на две пятых взрослый. Леонард всегда общался с ней по-норвежски, поэтому она говорила на нем как на родном. Но страна была чужая, и тело девочки тоже стало ей чужим. Она уже успела угодить в конфликтную ситуацию – какой-то мальчик в школе что-то сказал про ее попу. Расколов сначала половину поленницы дров, Леонард решил поступить по-взрослому. Он позвонил матери того мальчика и пригласил их на обед.

В прихожей он услышал треск камина и учуял запах подгоревшего молока.

– Маргарет! Тебе завтра в школу. Ты давно должна быть в постели. Что я говорил насчет того, чтобы ты не зажигала камин, когда меня нет дома? Почему ты не пользуешься печами, которые я купил? Они тут не для красоты стоят.

Половые доски в гостиной скрипнули, и открылась старая деревянная дверь. Там стояла дочь. Волосы, на этот раз бело-зеленые, взъерошены, косая челка прикрывает один глаз. Маргарет зажмурила второй, словно уснула. Старый вязаный свитер доставал ей до голых коленей. В руках она держала Долли, их кошку.

– Тебе привет от мамы, – произнесла она.

– Вот как? Что она сказала?

– Что любит нас.

– Тогда все правильно.

– Еще она сказала, что мы слишком далеко. И что она хочет, чтобы мы вернулись.

Он почувствовал резь в солнечном сплетении.

– Маргарет, – начал терпеливо объяснять Леонард. – Хорошо, что ты говоришь с мамой. Но она умерла, ты же помнишь об этом? Я думаю, она рада, что мы с тобой живем здесь. Что мы есть друг у друга.

Маргарет выпустила кошку на пол, шагнула вперед и обняла отца за талию.

– Я положила каши для домового, – продолжила она, и он рукой в татуировках погладил ее по волосам.

– Тебе надо помыть голову, – сказал он. – И разве ты не слишком взрослая, чтобы кормить домовых? К тому же, я думаю, он давно уехал на Северный полюс. У него всего четыре недели отпуска после Рождества. Домовой – раб зарплаты, прямо как я.

– Но он все равно ест кашу.

– Это олени ее съедают. В лучшем случае. Или мыши. От которых мы все лето потом будем пытаться избавиться.

Маргарет отстранилась от отца.

– Можно мне поехать с тобой на работу? Тут ужасно скучно одной. Почему ты не научишь меня выдувать огонь?

– Потому что это работа не для девочек. – Он вспомнил шефа с пятисотками. – Тебе нужно ходить в школу. Чтобы

стать умнее, чем твой старый отец.

Поцеловав дочку на ночь, Леонард выключил свет в гостиной. Языки пламени в камине превращались в языки дьявола в окне. Глотатель огня приложил раненую руку к холодному стеклу. Посмотрел на парившие за окном снежинки и соседнюю ферму, видневшуюся между деревьев. Здесь, в Сульру, никто не жил. Но Леонард все же заметил слабый мерцающий свет в одном из окон деревянной виллы.

Глава 4

Замдиректора Хенри Фальк не верил в случайности, не верил в Бога и в сочувствие он тоже не верил. Поэтому он пришел к выводу, что жизнь заключается в том, чтобы решить, что вам нужно, и далее делать все, что для этого требуется. Жизненная борьба – это стремление добраться до вершины пирамиды. Урвать как можно больше денег, трахнуть как можно больше женщин и делиться как можно меньше.

В этом не было ничего плохого. Каждое животное, каждое растение, гриб, вирус или бактерия подтверждают своим существованием, что в этом вся и единственная цель жизни. Цвести и размножаться. Нести и улучшать генетический материал из поколения в поколение. Проблема лишь в том, что единственное существо, которое может выразить это словами, теперь страдает от элементарной жестокости жизни.

У Хенри Фалька был список того, что его огорчает. Грязь на одежде, проблемы с эрекцией и унижение были главными поводами для расстройства.

Возможно поэтому замдиректора «Форманд-Бернье», самой известной консалтинговой компании, в данный момент сидел в своей «Тесле» и размышлял, пока электронная система растапливала снег на лобовом стекле.

Несколько часов назад Фальк так разозлился, что перевернул мусорное ведро во дворе крепости Акерсхюс. Ка-

кой-то идиот выбросил туда недоеденный йогурт, и Фальк заляпал им сшитые на заказ брюки. Причиной гнева Фалька стало то, что на него накинулась женщина, утверждавшая, что работает на ТВ2 и что ее зовут Бенедикте Штольц.

Она была красивой, именно поэтому у них завязался разговор. Худая как щепка, в его вкусе. Не только из-за физического превосходства, которое он явно имел, но, скорее, потому, что в тощем как скелет теле обычно заключалась тощая самооценка. Он хорошо себя чувствовал в компании недовольных собой и потому ослабил защиту. И тут Штольц вдруг показала свое истинное «я» и выставила его посмешищем перед его же клиентами. Она требовала детали отчета, известные только нескольким людям, обольщая Фалька, чтобы узнать больше. Другие господа стали смеяться, прекрасно зная, что за деликатное к ним отношение они и платили «Форманд-Бернье». Это само по себе было унижением для Фалька, которое не смогла компенсировать приватная афтепати с кофе и коньяком у премьер-министра. Нет, это было еще хуже. Потому что Хенри Фальк зачем-то пожаловался премьеру Риббе на случившееся, просто не смог удержать это в себе, а тот положил руку ему на плечо и загоготал. Хенри. Женщины всегда были твоей слабостью.

Обычно Фальку нравилось это чудо технологий, на котором он ездил. Но заводя машину, он хотел услышать приветственный рев «Ягуара V-8», который был припаркован под окнами квартиры в Тьювхолмене, а не жужжание этой лени-

вой швейной машинки.

Испачканная одежда и унижение. Двух из трех пунктов списка на сегодня достаточно. В держателе для чашки он нащупал маленький пакетик на застежке, достал оттуда голубые круглые таблетки и проглотил их, запив глотком шампанского из бутылки, лежавшей в машине. Проверил бронь в телефоне. Вип-столик в ночном клубе в Сулли уже ждал его.

Проезжая по улицам города, Фальк открыл окно, чтобы бриз охлаждал его лоб, пока «Ave Maria» Майкла Бубле охлаждала душу. Фруктовый дым электронной сигареты смешался с хлопьями снега. Фальк припарковался под уличным фонарем на Одинсгате во Фрогнере и постарался сдерживать раздражение, когда она не ответила на звонок. Он вразвалку подошел к дому и нашел табличку с ее именем. «Б. Вагнер». Держа палец на кнопке звонка, он медленно досчитал до пятнадцати. Когда он уже отпустил ее, женщина ответила.

– Что за черт?

– Тебя внизу ждут «Тесла S P90D Ludicrous», бутылка «Krug» 1990 года и стоящий член. Мы едем в ночной клуб.

– А-а... Хенри, – тон Беате изменился. – Не жди меня в машине. Поднимайся ко мне. Я только что приняла душ. Сможешь посмотреть, как я одеваюсь, хочешь? – Беате знала, что он не откажется и не стала дожидаться ответа. Фальк услышал щелчок открытия замка.

Поднявшись на две ступеньки, он помедлил. У нее наверняка была выпивка, какая-нибудь дешевая «Cava», но этот

вечер должен был пройти шикарно. Он повернул назад, чтобы забрать шампанское. Возясь с замком на входной двери, он заметил около машины чей-то силуэт. Сквозь дверное стекло Фальк увидел, как какой-то человек, стоя с противоположной от Фалька стороны автомобиля, быстро водил рукой.

Хенри Фальк рванул дверь.

– Какого черта ты там творишь?

Это, видимо, был мужчина, потому что фигура человека была мощной и широкоплечей, но лицо оставалось всего лишь темной тенью под капюшоном. Хенри ринулся через улицу, и мужчина пустился бежать по тротуару. Пробегая мимо своей «Теслы», Хенри увидел, что с покрытого эксклюзивным лаком бока машины стекала краска. Эта сволочь разрисовала его тачку. На Хенри снова навалилось удушающее чувство униженности. Он побежал изо всех сил, адреналин бурлил в крови, а тело трясло от гнева и уязвленного мужского самолюбия. Вандал проскочил под голыми ветками вдоль штaketного забора вилл западной части Осло, после чего пересек трамвайные пути на Фрогнервейене.

– Твою мать! – прогремел Хенри, когда мимо него в вечерней темноте прогудел трамвай и Фальк потерял беглеца из виду. Трамвай проехал, и Фальк снова увидел вандала вдалеке, когда тот пробежал на светофоре. Хенри решил бежать снова. Жилет сдавливал его крупный живот, а шов в паху на брюках мешал идти широким шагом. Фальк пробе-

жал еще один квартал и остановился на перекрестке, тяжело дыша, и опустил ладони на колени. В груди бешено колотилось сердце. Куда побежал этот говнюк – дальше по улице или свернул с Гимлевейен? Снег пошел сильнее, видимость была плохая, и Хенри понял, что в любом случае никакой роли это не играло. Последний раз, когда он вставал на весы в ванной, цифры из зеленых стали желтыми, а затем красными, пока не остановились на ста двадцати четырех килограммах. В глотке свербело, и Фальк понимал, что проиграл этот раунд. Но говнюк за это поплатится. Ох как он еще поплатится. Хенри наймет чертова частного детектива и добудет каждый чертов снимок с каждой, сука, камеры наблюдения в районе. Сучий... кусок говна.

Доковыляв до машины, Фальк увидел, что Беата стоит под фонарем и рассматривает боковую дверь «Теслы». Ее высокое тонкое тело было облачено в одно из черных платьев «Версаче», которые он ей подарил. Воротник туго обтягивал шею, словно ошейник. меховое пальто прикрывало плечи. На ее лице была улыбка, исчезнувшая, как только она увидела Хенри.

– Хенри? Что случилось?

Он с горечью развел руками.

– Что это означает? – Беата прочитала написанное на двери. – Предатель? – Заколка, крепившая ее темные волосы к красивой голове, замерцала. Беата рассмеялась. – Хенри, милый, не принимай близко к сердцу. Это просто хулиган-

ство. – Она ткнула ногой в кожаном сапоге в мыс его ботинка. – Поехали.

– Я не поеду в один из самых эксклюзивных клубов города с этой чертовой надписью на машине!

– Кажется, ты сказал, что у тебя есть бутылка «Krug»? Это же краска, а не спрей-лак. Если поторопимся, сможем ее смыть. В районе Вика есть круглосуточная мойка. Ты когда-нибудь раньше трахался на автомойке?

Глава 5

Леонард Руди резко проснулся. Когда он ложился спать на откидную кровать, в гостиной было жарко от камина, а сейчас в нем остались только тлеющие угольки. Ледяной ветер сквозил из щелей бревенчатой стены.

Поднявшись с постели, он почувствовал жгучую боль в ладони. Все стало хуже, чего он и боялся. Несмотря на алоэ-крем, ожог увеличился, и кожа под надувшимся пузырем пульсировала. Леонард нашел спички на подоконнике. Обжигая горячей спичкой иголку, он рассматривал зимнюю ночь. Все еще шел снег. Сколько сейчас времени? Часа три-четыре утра, наверное. Быстрым движением он воткнул иглу в пузырь. Из него вытекла прозрачная жидкость, и на месте пузыря осталась омертвевшая белая кожная ткань. Леонард хотел взять пластырь, когда вдруг увидел желтый мерцающий свет на стене дома соседней фермы.

И это в лесу, посреди ночи! Может, это вернулся вор, укравший радио из его машины? Заматывая руку пластырем, Леонард не отводил глаз от деревянной виллы. Но света больше не было видно. Может, там ничего и не было? Он уже собирался успокоиться и остановиться на этой мысли, как раздался глухой грохот и вмиг развеял все сомнения Леонарда. Там кто-то был.

Леонард вышел в прихожую и бросил взгляд на висевший

на стене дробовик, оставшийся от пожилой пары, жившей тут раньше. Нет. Я же в деревне. В Норвегии, подумал он. На улице его встретил ветер со снегом.

Осенью Леонард ходил по тропинке, ведущей к задней стороне виллы в Сульру, не наклоняясь под елями. Но теперь, когда ветки отяжелели от снега, ему пришлось пригнуться. Он заметил свежий заячий след, но кроме него никаких признаков жизни видно не было.

Леонард прошел вдоль задней стены и свернул за угол. Прямо перед факиром по склону протянулся фруктовый сад. Из снега торчали голые стволы и ветки фруктовых деревьев. Справа стоял сарай, а перед мостком в него снег был глубоко утоптан. Следы вели ко входу. Двойные двери в сарай были приоткрыты, а одну мощную доску, судя по всему, из двери выбили. Леонард осторожно шел вдоль кромки леса. Кажется, внутри кто-то ходит? Судя по звукам, кто-то роется в садовых инструментах и приборах.

Леонард был не из слабонервных, но лоб стал липким. Факир сильно сжал кулаки, до боли в ране. Решительным шагом подойдя к сараю, он толкнул двери и вошел.

– Эй! Кто тут? Эй!

Он стоял неподвижно, пока не стал различать окружающие его предметы. Ножки стульев, поставленных вверх ногами на диваны, торчали как копья, комоды и шкафы опрокинуты. Пахло промасленной древесиной и гниющей мебелью. Вдоль стен висели полки с инструментами, банками краски

и пластиковыми канистрами. Ветер дул с конька крыши, и несколько свисающих с потолка светильников лязгали друг о друга. Пока двери медленно закрывались, петли скрипели.

Если это и был грабитель, он точно до смерти перепуган. Что, если эта сволочь запаниковала? И прибьет Леонарда кувалдой или топором, которые наверняка здесь есть? А может, у него нож? Леонард видел, как мужчины его роста и телосложения оказывались в морге, ввязавшись в драку с малолетками с заточками. Если попасть точно в цель, размер ножа не играет роли.

Но он пришел сюда не умирать, а только сказать, что у леса есть глаза.

– Я знаю, что ты здесь, – проревел он и сделал пару шагов вперед.

Леонард, как никто другой, знал, что воля может сломить инстинкт. Когда заставляешь себя сделать первый шаг по раскаленным углям, и тебя выворачивает от страха. Но воля требовала натренированности. Если ты не подготовлен, инстинкт всегда победит.

Он не смог не застыть на месте, когда за его спиной раздался удар в стену. Леонард понял свою ошибку, когда увидел падающий на пол молоток и услышал звуки отодвигаемого стола и шагов по дощатому полу.

Леонарда с силой толкнули в спину, и он неловко упал вперед, еще один толчок – и он растянулся на полу. Не успел он перевернуться, как незнакомец ударил коленом ему про-

меж лопаток. Из Леонарда выбило воздух. Защищаясь, факир закрыл голову руками и зажмурился в ожидании нового удара. Но его не последовало – давление на спину ослабло, и Леонард услышал скрип открывающихся дверей.

Мгновение он оставался лежать. От страха свистело в ушах, сердце стучало, и он понял, что случилось. Этот подопнож сбежал. Леонард в гневе уперся кулаками в пол и поднялся на ноги.

Незнакомец несясь вдоль тропинки во дворе, ведущей к главной дороге. Леонард ринулся за ним. Сапоги утопали в снегу, бежать быстро не получалось, но так должно было быть и у незнакомца. Мышцы ног тянуло, Леонард посмотрел вперед: тропинка была узкой и петляла между деревьев, но до главной дороги было всего пару сотен метров. Преодолевая последний поворот, он услышал звук захлопывающейся двери в машину, а через секунду – рев мотора.

Машина стояла на расчищенной от снега площадке около почтовых ящиков. Яркий свет фар ослепил Леонарда, но он продолжал погоню. Он добрался до парковки, когда машина описала дугу, сдавая задом. Водитель резко затормозил, включил переднюю передачу, и машина помчалась по заледенелой дороге, пока не случилось сцепление, и автомобиль укатил на бешеной скорости.

– Черт, – простонал Леонард, смотря вслед красным фонарям. – Черт, сука!

Как только он отдышался, то заметил, что на месте, где

стояла машина, в снегу что-то лежало. Оказалось, что это черный головной убор, с эмблемой – королевским золотым львом на красном фоне. Это была полицейская фуражка.

Глава 6

Дверь на автомойку с грохотом открылась, и оттуда повалил пар, воняющий химическими фруктовыми ароматизаторами и мылом. Беата Вагнер скользнула на кожаное сиденье, встала раком и рукой отыскивала перемычку трусиков под платьем. Бросила взгляд на Хенри, стоявшего у платежного автомата и еще не вполне успокоившегося. Казалось, что гнев дошел до верхушки айсберга. Задетое самолюбие и унижение вызвало в Фальке бурю негодования.

Она почувствовала это, еще сев в машину, и тут же получила подтверждение: Хенри мгновенно перегнулся через консоль между сиденьями, схватил девушку за горло своей короткой мясистой рукой, притянул к себе и поцеловал с языком. Беата заметила в его глазах лопнувшие сосудики, что означало одно из двух: либо он принял слишком много «Виагры», либо не выпил лекарство от сердца.

Мне следовало бы испугаться, подумала она. Или хотя бы занервничать.

Но ни того, ни другого она не ощутила.

Наоборот, ее охватила приятная дрожь. Потому что внутри у Беаты находилось то, что она называла черной комнатой. Она нашла туда вход еще в подростковые годы. Эта комната долгое время была ее глубочайшей тайной, стыдом, которым она не делилась ни с кем. Позднее она начала ездить

в места, куда таким девочкам, как она, ездить не подобало. Проживала ночи, переходившие в дни, с экстази и сексом в подвалах Роттердама, Марсея и Гамбурга. Испытывала психозы, вызванные псилоцибином, с азиатскими бизнесменами в роскошных отелях Абу-Даби. Напивалась виски в баре с перуанскими преступниками, отсидевшими в тюрьме Луригачо в Лиме.

Она давно уже жила так, как сейчас. Но дверь в черную комнату не хотела закрываться. Да Беата и не собиралась ее закрывать, потому что больше ее не стыдилась. Это была комната для таких мужчин, как Хенри Фальк. Она обслуживала Хенри, а он дарил ей подарки. Дело было не в физическом контакте, не во встрече наедине. Все дело во власти. В жестокости, подчинении, инстинкте и вожделении. Хенри любил разглагольствовать о биологии и о том, что люди не понимают главный урок эволюции. В темной комнате человечности не существует. Чистая биология.

Хенри плюхнулся на сиденье, и машина качнулась. Беата протянула ему бутылку «Krug», и его глаза сверкнули, когда он понял, что именно любовница привязала к клаксону на руле. Фальк жадно пил, потом вылил дорогостоящие капли через кружево, бросил бутылку на пол, расстегнул ремень и ширинку и заехал на мойку.

Беата глянула на камеры наблюдения в углу бокса и оседлала Хенри. Член у него был уже твердый. Фальк относился к тем мужчинам, у кого размер соответствовал росту. Может,

именно поэтому она регулярно принимала его приглашения.

– Это уродство не смывается, мать его, – сказал Хенри, и Беата почувствовала, как его большие пальцы впились ей в бедра.

– Хенри...

– Чертова краска уже засохла. Сука!

– Хенри... – повторила она, подняла руки и попыталась расстегнуть воротник платья. Ощутила запах своего пота под духами. Спустила верх платья, позволив Фальку сосать свои груди.

Вот так. Его лоб пылал, капли тягучего пота скользили по волосам вдоль пробора. Аппарат, поливавший машину мылом и воском, тряс весь автомобиль. Фальк крепче схватил Беату за ягодицы, а его рыбы глазки выпучились. Боже, неужели он уже сейчас кончит?

– Твою мать! – запинаясь, произнес Хенри, отодвинул Беату назад и повернул голову в сторону.

– Хенри?

– Это тот ублюдок!

Фальк локтем грубо оттолкнул ее в сторону, и она упала спиной на пассажирское сиденье. О чем он говорит? Она приподнялась и посмотрела, как Хенри рванул ручку двери.

Мужчина поставил военный ботинок на капот «Теслы». Руки незнакомца были скрыты в просторном кармане на животе, и хотя под большим капюшоном Беате был виден только мощный подбородок неизвестного, она могла поклясться,

что он ухмылялся. Хенри распахнул дверь, и его встретили мыльные струи. Фальк стал плевать, отхаркиваться и уворачиваться от них, одной рукой держа штаны, другой убирая член на место и застегивая ширинку.

– Ты жестоко пожалеешь о том, что пришел сюда, – заревел он. – Я сотру то, что ты написал, твоей же харей!

Тут Беата увидела, как огромные щетки за незнакомцем в худи начали вращаться. На лобовое стекло полилась пена с водой, но тот стоял неподвижно, только убрал ногу с капота и уставился на Хенри.

Наконец Хенри удалось застегнуть штаны. Он наклонился в машину, нащупал бутылку из-под шампанского. На секунду он встретился взглядом с Беатой.

– Хенри... не надо... – У него были красные глаза, и она замолчала.

В боксе было три щетки. Две, чтобы мыть бока машины, и одна для капота, лобового стекла, крыши и багажника. Механизм пришел в действие, и Хенри прыгнул, чтобы добраться до незнакомца прежде, чем вращающиеся щетки перегорят путь. Никто из мужчин, похоже, не раздумывал над тем, что будет, когда щетки попадут по ним. Мойка наполнилась шумом и паром, и Беата смотрела в напряжении и страхе, как замороженная. Человек в худи сделал шаг назад, и только когда Хенри рухнул на капот между фар, она поняла, каким огромным был незнакомец. Он был выше ее любовника минимум на две головы.

Беата поняла, что это был не розыгрыш.

Но она поняла это не потому, что незнакомец скрывал свое лицо. И не потому, что она увидела, что он прятал в кармане, когда достал из него руку. Нет, что-то другое заставило Беату это осознать. Может быть, то, как он двигался. Весь вытянувшийся в струну, движения как у робота, словно он просто проводил отработанный прием. До Беаты вдруг дошло, что ничего из произошедшего сегодня вечером после того, как Хенри заехал за ней, не было случайностью. Человек, стоявший перед машиной, и он же, теперь державший в руке пистолет, никакой не хулиган. Не таггер¹ и не шпана. Он просто выполнял свою работу.

В мойке раздался резкий грохот. Беата увидела лицо Хенри – шокированное и вопросительное. Бутылка со звоном упала на бетонный пол, Фальк схватился обеими руками за пах и, медленно наклоняясь вперед, упал и скрылся за машиной.

– Нет, нет, нет, нет, нет, – заверещала она. Если она хочет выжить, нужно действовать. Беата пересела на водительское сиденье, нащупала дверную ручку и закрыла дверь, мельком увидев стекавшую под машину воду. Мыльная пена была розово-красная от крови. Беате показалось, что она услышала еще один выстрел, но точно она не знала, так как ничего не видела, а только думала, думала, как же завести эту чертову «Теслу». Ключ должен быть где-то в машине... или он у

¹ Граффитчик.

Хенри в кармане? Надо нажать педаль, она вытянула ноги, нажала на все педали по очереди и одновременно поискала кнопку, какой-нибудь выключатель на консоли... ничего.

Задняя дверь открылась, и на сиденье тяжело плюхнулся незнакомец. Беата обернулась, и глаза ее смотрели теперь прямо в дуло пистолета. Из отверстия сочились струйки дыма и сладковатый запах пороха. Мужчина захлопнул дверь, и в салоне остались тень под капюшоном, оружие и Беата Вагнер. Моющие барабаны добрались до машины и стали массировать ее, словно леденец во рту ребенка. Сердце, колотившееся как у трусливого зайца, вдруг замерло. Беата смогла собраться с духом, отвернулась от незнакомца, наклонилась и почувствовала холод руля на груди.

– Я знаю, зачем ты здесь, – сказала она.

Глава 7

Первый звук будильника на телефоне не разбудил Бенедикте Штольц, но когда прозвучал повторный сигнал, она перевернулась на спину и приоткрыла глаза. Свет уличных фонарей придавал доскам на потолке золотистый оттенок, а из окна в спальне журналистка ТВ2 слышала, как зимний бриз играет с ветвями гигантского дуба. Она потянулась и поняла, что одна в постели.

Закончив с новостными репортажами, Бенедикте обычно выключала телефон на ночь. Она спала чутко, и если потревожить ее сон, заснуть снова было непросто. Но вчера вечером, стянув с себя платье, которое она надела на прием в Акерсхюсе, Бенедикте взяла телефон в руки и вспомнила, что не выключила его, а, поставив на зарядку, положила на прикроватную тумбочку.

Бенедикте встала с постели. Снег пошел сильнее. Городская суэта практически никогда не чувствовалась здесь, в Фагеборге. Сейчас золотистая обшивка потолка – отражение света городских фонарей – единственное напоминание о том, что кроме Бенедикте, в городе жили еще сотни тысяч людей. Сколько вообще сейчас времени? Она проверила телефон. Почти пять. Прочла сообщение.

– Наконец-то, – пробормотала она про себя, вздрогнув в своей шелковой пижаме, записала имя в блокноте и удалила

сообщение.

Свет в коридоре приглушен, на втором этаже, в ванной и в кухне было темно. Она насыпала кофе в фильтр кофеварки и поставила ее на плиту, затем открыла старинные двери в гостиную.

Виктория сидела за письменным столом, стоящим перед арочными окнами. Из колонок звучал надрывный голос Элвиса Кастелло, в комнате, за исключением трех светящихся мониторов, горел только приглушенный свет люстры на потолке.

– Я скоро лягу, милая, – сказала Виктория, не глядя на Бенедикте. – Ты меня ждала?

Бенедикте не ответила, а только смотрела на длинные серебристо-седые волосы Виктории, завязанные в хвост. В свете лампы ее шея была невинно белой.

Пол скрипнул, когда Бенедикте босыми ногами ступила на мягкий персидский ковер. Она положила руки на плечи Виктории, скользнула по свитеру из ангорской шерсти и поцеловала ее в ямку на шее.

– Уже почти утро, солнце. Мне только что позвонили с ТВ2. Хотели узнать, смогу ли я выйти в утреннюю смену.

– Дорогая, – Виктория вполоборота повернулась к ней на кресле, и их взгляды встретились. – Им что, больше некого мучить?

Бенедикте погладила ее по лбу, проведя ногтем по одной из тонких морщинок.

– Есть, – ответила она с улыбкой. – И много. Но только я оказалась настолько глупой, чтобы ответить на звонок в пять утра.

Глава 8

Масляная краска, пыль и табак. Темные облака за белоснежными хребтами. Склоны гор, подножьем врезанные в извилистые озера. Несколько жалких деревьев и облачная с прояснениями погода. И там, прямо под солнцем, черная фигура человека. С широко расставленными ногами и с раскинутыми в стороны руками, словно он висел на кресте. Лицо повернуто к солнцу. Выпученные глаза. И зияющая пустота там, где должны были быть нос и рот. Просто дыши. Просто дыши спокойно, переносясь из реальности этого кабинета в сон. Убийца.

– У вас рассеянный вид. Это эффект антидепрессантов?

Голос отогнал мысли, которым предался Фредрик. Он сел ровнее на низком диване для пациентов.

– Я больше их не принимаю. Сама мысль о том, что у меня депрессия, вгоняет меня в депрессию.

Смех полицейского психолога прозвучал гадко.

– Я вчера принимал участие в одном мероприятии в замке Акерсхюс, – продолжил Фредрик. – После мне нужно было дать выход эмоциям. Было поздно.

– Понимаю, – сказал психолог и довольно сильно ткнул своим толстым пальцем по планшету.

– Вы записываете все, что я говорю? – Фредрик потянулся за кружкой с растворимым кофе. Подул на горячую жид-

кость, его квадратные очки запотели.

– Я спросил про вашего отца, и вы замолчали. Вы о чем-то задумались?

Фредрик подождал, пока просохнут стекла очков. Тучный психолог, как обычно, сидел, балансируя на обветшалом офисном кресле, визжавшем каждый раз, когда тот переносил вес с одного жирного окорочка на другой.

– Странно, что вы спросили.

– М-м?

– Я вчера познакомился с одной журналисткой. Она утверждает, что мой отец имел отношение к делу, над которым она работает.

Стоя утром в душе, он вспомнил этот разговор. И после не мог выбросить его из головы. Пробираясь через пургу от своей квартиры на Соргенфригате в районе Майорстуа в полицейского управления в Гренланде он вдруг понял, что даже не помнит, как выглядел его отец. Фредрик вспомнил ощущение нахождения в одной комнате с ним. Фредрик помнил атмосферу, которую создавал отец, но черты его лица стерлись из памяти. Может, поэтому воспоминания об отце и убийце слились воедино?

– Все, что у меня осталось от родителей, лежит в сейфе. Отец умер больше двадцати лет назад, и почти не бывал дома, когда я был маленьким. Он работал на американцев. Не в посольстве, а в офисе, который они снимали.

Фредрик нахмурился, стараясь вспомнить что-нибудь

еще.

— Когда я пытаюсь представить его себе, вместо него я вижу картину, висевшую над его рабочим столом. Горный пейзаж. И она сливается со сном, который я вижу. Или... кошмаром. Кошмар о преступнике, за которым я однажды гонялся. Убийца. Самый страшный человек из всех, кого я встречал.

— Как думаете, почему для вас один человек ассоциируется с другим? — спросил психолог.

— А это уже ваша работа. Вы у нас мозгоправ. — Он выдохнул. — Отец был холодным и закрытым человеком. К концу жизни он стал очень угрюмым. Ни у меня, ни у матери не осталось сил горевать в тот день, когда он, наконец, помер.

— Наконец помер, — повторил психолог, словно слова Фредрика заморозили его. Он напечатал это на своем планшете. — Значит, этот убийца и ваш отец... вызывают у вас страх?

Опять этот пустой треп психологов. Фредрик закатил глаза.

— Они оба — привидения из прошлого. И оба мертвы. Я боюсь только живых.

— Конечно, — цокнул языком психолог. — Конечно. Вы же рациональный человек. Это приходит с профессией. — Он немного помедлил. — В последнее время мы не говорили про вашу семью. Я правильно понимаю, что сейчас вы совсем один?

– В смысле?

– Ваша мать умерла несколько лет назад, вы разведены, у вас была сожительница...

Фредрик взял со стола ложку в каких-то пятнах, помешал кофе и посмотрел на стену за спиной психолога.

Несколько лет назад там висел плакат с портретом Эрнеста Хемингуэя. С голым торсом и дробовиком. Тогда Фредрик указал психологу на иронию ситуации, так как тот украсил свой кабинет изображением мужчины с оружием, которое впоследствии заберет его жизнь. Теперь там висел новый постер: Джек Николсон в кожаной куртке и шапке со злобющей ухмылкой на лице.

– Чувствую некоторую амбивалентность в вас, – сказал Фредрик, и психолог вопросительно посмотрел на него. – Сначала Хемингуэй, теперь Николсон. Кадр из фильма, показавшего «фак» психологам и психиатрам всего мира. Вы хотели о чем-то поговорить?

Психолог с раздражением усмехнулся.

– Знаете, зачем здесь висят эти плакаты?

– Не имею ни малейшего представления.

– Потому что полицейские, такие, как вы, не любят говорить о себе. Вы думаете, что попали сюда по ошибке, как старина Джек из «Пролетая над гнездом кукушки». Когда разговор стопорится, вы начинаете рассматривать кабинет, а обсудить здесь особенно нечего, кроме как Николсона на плакате. После чего я пытаюсь как можно аккуратнее перевести

разговор на вашу страдающую душу.

– Понял. А разве не глупо вот так раскрывать вашу тактику?

Фредрик снова ждал смешков в ответ, но их не последовало. Психолог положил планшет на колени и подтянул повыше хвостик волос.

– Фредрик, – начал он. – Сегодня у нас с вами последняя встреча. Далее они уже будут добровольными, и я знаю, что вы не воспользуетесь этим предложением. Поэтому времени на пустодрочку у нас нет. Расскажите о вашей семье. Вы делите с кем-то свою жизнь или барахтаетесь в полном одиночестве?

– Вольная птица, – ответил Фредрик, посмотрев ему прямо в глаза. – Моя дочь, София, уехала из дома и живет в Бергене. Мой сын Якоб некоторое время жил со мной, но из этого ничего не вышло, и он вернулся к Элис. К своей матери. Какое-то время со мной жила женщина, Бетти-на, но ничего серьезного у нас с ней не получилось. Так что да, я один. Но вы ведь не об этом спрашивали. Вы хотели знать, одиноко ли мне. Так вот, нет, мне не одиноко. Мне хорошо в компании самого себя. – Он закончил фразу на более повышенных тонах, чем хотел.

Наступила тишина. Фредрик смотрел на метель за окном, а психолог смотрел на него в ожидании, пока тот встретится с ним глазами.

– Фрикк, – сказал психолог. – Я бы хотел, чтобы вы немно-

го поговорили о Фрикке.

Фредрик закрыл глаза.

Его сын весил так мало, что Фредрик один нес его гроб к могиле. Стоял безоблачный летний день, но солнце не грело, а воробушки не чирикали. В церкви было полно людей, их горе было безутешно, и бог просто должен был их услышать. Должен был увидеть малыша Фрикка и забрать его к себе. По крайней мере, так сказал священник. В тот день не плакал только один человек – отец мальчика. Фредрик.

Он просто не позволил себе этого. Потому что Фрикк умер по его вине. Не по вине Бога или судьбы, это не было несчастным случаем или случайностью. Это Фредрик оставил Фрикка спящим в кровати, а сам выбежал в магазин за углом. Это Фредрик пятнадцать минут спустя ворвался в полную дыма квартиру во Фрогнере и прыгнул с сыном на руках с третьего этажа. Но было слишком поздно. Малыши не могут выдержать такого. Фрикку было пять месяцев. С тех пор прошло пятнадцать лет.

– Не пора ли вам отпустить ваше горе? – спросил психолог.

Фредрик поднялся.

– Горе я переживу. А вот ответственность за смерть Фрикка всегда будет меня грызть. Это мой крест. – Коленка затекла – он повредил ее, когда прыгал с балкона. Вечное напоминание. Фредрик захромал к выходу.

– Спасибо за наши встречи.

После этого Фредрик провел серию допросов, необходимых, чтобы закончить расследование, над которым работал, — нарика с передозом героина в крови нашли мертвым в квартире. Его называли Иудой — так прощались с доносчиками — наркоторговцами, которые подворовывали дурь из груза, и наркоманами, которые наследили. Под половыми досками полиция нашла крупную партию героина, слишком большую, чтобы ее мог занывать один уличный наркоман, и Фредрик счел ее мотивом для убийства.

Но никто ничего не видел. Дружки наркомана были абсолютно уверены, что парня убили. Также они были уверены, что убийцу никогда не посадят, поэтому держали рты на замке. Истории с иудами срабатывают.

Но полицейская машина — это еще и бумажная работа, и ее нужно делать. Фредрик сообщил начальству, что закончит отчет дома.

Из окон трамвая инспектор полиции рассматривал свой город. Вчерашняя пороша превратилась в густой как туман снегопад. Все в городе происходило в половину обычной скорости, что совпадало с настроением Фредрика. Он думал о том, не забыл ли выключить радио. О своих детях, Якобе и Софии. Надеялся, что он успеет с ними увидеться до зимних каникул, но до конца в это не верил. Они уже совсем взрослые, у каждого своя жизнь.

Он действительно забыл выключить радио. Стоя в прихо-

жей и стряхивая снег с плеч, Фредрик услышал последние минуты выпуска новостей. Там было что-то об убийстве, об охоте на одноглазого врача, лидера террористической группировки, обещавшего устроить апокалипсис во всей Европе, и сообщение о министре финансов, которая опять на больничном. Фредрик разложил документы на кухонном столе и открыл ноутбук. Но работать спокойно не получалось: в голове звучали вопросы полицейского психолога: «Вы один? Мы можем поговорить о Фрикке? Почему вы думаете, что тот сон напоминает вам об отце?»

Вздохнув, Фредрик пошел в спальню. Сел на колени перед письменным столом, теперь служившим зоной приземления для чистой, но не сложенной одежды, и залез под стол. Старый сейф «Мозлер» был вмонтирован в стену еще при постройке дома.

Что же разбудил в нем психолог? Ностальгию? Тоску? Фредрик покрутил колесо, услышал щелчок и повернул ручку. Вот оно где. То немногое, что он сохранил от своих близких. Старый отцовский кошелек. Свидетельства о рождении детей, всех троих, и одеяло. Телячья кожа кошелька закрипела. Во внутреннем отделении лежали две долларовые купюры, а во внешнем – медаль. Бархатистая фиолетовая ткань и сердце с барельефом Джорджа Вашингтона. Пурпурное сердце. Когда он закрыл кошелек, оттуда выпал ключ. Фредрик совсем забыл о его существовании. Это был ключ от банковской ячейки, доставшейся ему в наследство от матери.

Фредрик так и не смог найти местоположение этой ячейки. Он убрал ключ обратно и взял сложенное одеяло. Ткань на ощупь была нежной и холодной и все еще слегка пахла дымом. И стыдом. Но в глубине носовых пазух едва уловимо Фредрик почуял, что одеялко – это часть его сына. Под ним Фрикк спал в тот день и в него был завернут, когда Фредрик выпрыгнул с ним из дома.

Фредрик закрыл дверцу сейфа. Попад в стальную раму, она издала звон. В те редкие минуты, когда Фредрик открывал эту капсулу времени, на ум всегда приходила одна и та же ассоциация. Она звучала как вступление к одной из мелодий «Битлз». «A Hard Day's Night».

*When I'm home, everything seems to be right,
When I'm home, feeling you holding me tight, tight, yeah².*

Вернувшись на кухню, он увидел на столе визитку, которую оставила ему журналистка. Бенедикте Штольц. А вдруг Фредрик ошибался? И у его отца была история, которую сын не знал?

Перед тем как он собрался набрать номер, загудел телефон. Это был начальник Фредрика Бейера – Себастиан Косс. – Фредрик, ты где? У нас общая тревога. Жуткое дело. На чертовой автомойке.

² «Вечер трудного дня». Милый дом, так хорошо в нем всегда, Когда в нем ты вновь обнимаешь меня, меня, да! (англ.)

Глава 9

В сотне метров от Министерства иностранных дел в районе Вика находится улица Мункедамнсвейен. Это одна из артерий, ведущих к сердцу Осло. Стенки артерии забиты уличной гарью и асфальтовой пылью, и единственная причина приехать сюда – радость отъезда отсюда.

Автомойка располагалась под каким-то безымянным мостом, который не позволял дневному свету проникать на мойку. По мосту проходила дорога, и если шел снег, то на ней он немедленно превращался в суп из дорожной соли и слякоти.

Но следователю полиции редко удастся выбрать себе место работы. Эстетику, которой не хватало этому месту, обеспечила сама смерть. Если у вас хватило бы духу вынести это зрелище, то место преступления показалось бы вам композицией арт-объектов: труп был сначала прострелен в пах, а затем в брюхо. Это настолько сюрреалистичная картина, что каждый понял бы, что если уж жизнь не имеет смысла, то его точно имеет смерть.

Тело мужчины безжизненно свисало со среднего из мощных барабанов. Пиджак закрывал ровно половину голой жирной задницы. Штаны с трусами гармошкой сползли на лодыжки. Мыски элегантных кожаных ботинок болтались в нескольких сантиметрах от бетонного пола, с них падали

капли мыльной воды с кровью.

С этой инсталляции широкой полосой стекали жидкости тела, смешанные с пеной, прямо на капот «Теслы», где под бампером лежала бутылка из-под шампанского, которая до этого была привязана к гудку красивыми женскими трусиками. На капоте, окрашенном темным лаком, следов не было видно, но лобовое стекло все было обмазано толстым слоем крови. На высоте головы перед водительским сиденьем зияло отверстие от пули, а вокруг него, с внутренней стороны лобового стекла, было месиво, похожее на засохшую овсяную кашу, – вероятно, мозговая масса сидевшей за рулем женщины с голым торсом.

– Ну и ну, – сказал Фредрик, сглотнув слюну.

Он осторожно прошел между стеной и барабаном с щетками, на который всем весом навалился труп мужчины. Следовательно наклонился и посмотрел в окаменевшее, безжизненное лицо.

– Скоро придет Франке, – сказал Косс и провел рукой по светлым волосам средней длины. – Это что-то на почве личных отношений, нам нужны люди.

Внутри бокса были только Фредрик, Косс и Кафа. Полицейский патруль, который обнаружил место преступления, огораживал территорию, а снаружи доносился глухой стук тяжелых ящиков о землю – криминалисты распаковывали свое оборудование.

Фредрик посмотрел на Кафу. Та стояла вместе с инспек-

тором около машины. Смуглая кожа девушки казалась бледной. Кафа заметила, как Фредрик ее изучает.

– Да, – сказала она с вялой улыбкой и достала из кармана блокнот. – Я нашла кошелек под щетками. Пока, конечно, подтверждения нет, но, судя по водительским правам, это Хенри Фальк. Регистрационный номер машины свидетельствует...

– Это Фальк. Сто процентов, перебил ее Фредрик.

– Вот как? – спросил Косс. – Ты знаешь этого черта?

– Нет.

Фредрик рассказал коллегам о разговоре с журналисткой Бенедикте Штольц во время приема в замке и о мужчине, который показал им «фак». Мужчина с выпученными глазами и красными щеками. Это был он.

– Штольц сказала, что Фальк – замдиректора в консалтинговой фирме. Журналистка пришла расспросить его о каком-то секретном проекте. Видимо, она обнаружила какую-то скандальную историю. Фальк был явно не в большом восторге от внимания к себе с ее стороны.

– Черт, – пробормотал Косс, неодобрительно посмотрев на розовую мыльную воду, плескавшуюся вокруг его калош. Фредрик понял его мысли. Смерть замдиректора, тайные проекты и вот такое место преступления? Прессе точно будет чем поживиться.

– Найди ту журналистку. Если этот Фальк собирался раскрыть какой-то грязный скандал, это может оказаться моти-

вом для убийства. И позаботься, чтобы как можно меньше людей имели доступ к месту преступления. Я не хочу прочитывать в газетах, каким адски странным оно выглядело, – продолжил инспектор.

Фредрик попытался проглотить возмущение. Себастиан Косс в своем худшем проявлении. Раздает приказы, чтобы потом не иметь проблем. Опишут ли место преступления в деталях в прессе – вообще-то не проблема Фредрика. Его задача – найти убийцу. А убийца и так знал, как оно выглядит. Утечки информации были проблемой только потому, что составляли руководство полиции как неконтролирующее своих людей.

– Я свяжусь со Штольц, – буркнул он и обратился к Кафе. – А что по женщине?

Кафа покачала головой.

– Не хочу лезть в машину и искать документы, прежде чем свою работу сделают криминалисты. Но, судя по тому, что я смогла увидеть, ее убили выстрелом в шею. Видимо, преступник сидел сзади. На заднем сиденье лежит меховое пальто. Выглядит дорого, как и платье. – Она жестом подозвала Фредрика и посветила фонарем в окно машины.

Пуля проделала отверстие в черепе размером с мандарин. Из-за повреждений мягких тканей лица было невозможно понять, как женщина выглядела, кроме того, что у нее была кожа цвета грецкого ореха и темные волосы. Кафа посветила вниз. Платье было спущено под грудь и задрано на бедрах,

обнажая треугольник бритых половых органов.

– Проститутка? – сказал Фредрик. – Заехали сюда, чтобы потрахаться?

– Я тоже так подумала. Но посмотри сюда. – Кафа потянула его за собой, отступив на пару шагов назад. На боку машины было что-то написано. Краска была полустерта, и Фредрик попытался прочесть надпись. – Прид...

– Предатель, – сказала Кафа.

– Предатель?

– Их нашел мастер по ремонту. Его вызвали, когда перестали открываться ворота, – объяснила она. – Он сказал, это единственная круглосуточная мойка в этой части города.

– Может быть, – задумчиво протянул Фредрик. – Таггеры используют лак из баллончика, а не краску. Лак отмыть на мойке не вышло бы. А вот краску наоборот... Спланированное нападение? – Он кивнул на труп мужчины. – Но зачем его повесили сушиться? Почему просто не ликвидировали в машине?

Кафа ответила на его вопрос вопросом.

– Может, он пытался сбежать? Выстрелы в пах и живот. Но не в голову, как у женщины. Почему ей позволили умереть быстро, а ему нет?

– Предатель, – повторил Фредрик. – Пуля по яйцам и пуля в брюхо. Ужасный способ убийства. Кто-то очень хотел, чтобы Фальк страдал перед смертью.

Кафа кивнула.

– Видимо, щетки прокрутились по нему, разбрызгали кровавую воду по машине и прокрутились назад. Может, он просто ухватился за одну из щеток и так и повис. – Она показала на камеру на потолке над головой Косса. – Будем надеяться на видео с камеры, может оно даст нам что-то.

Фредрик перевел взгляд с камеры и смотрел то на труп женщины в машине, то на голый зад мужчины. Что-то не складывается. Если убийца действительно спланировал сделать это на мойке, зачем выбирать ту, где есть видеонаблюдение? Зачем оставлять одну из жертв в живых? А что, если Фалька нашли бы прежде, чем он умер?

Фредрику пришлось наклониться, чтобы выйти из ворот мойки. Даже в этой мрачной воняющей газом дыре было приятно выйти на свежий воздух. Визитка Бенедикте Штольц лежала в кармане у следователя. Он дозвонился сразу на автоответчик. Там не было никакого вежливого приветствия, не было даже автоматического голоса мобильного оператора. Только холодное «пи-и-ип» и тишина.

Глава 10

– Предатель, – крикнул Фредрик Кафе и прикрыл рукой лицо от ветра. Она подняла воротник пальто и натянула шерстяную шапку на уши. – Кого предал Хенри Фальк? Кто желал ему смерти?

По данным реестра населения Фальк проживал в квартире на Тьювхолмен, на самом берегу фьорда. Его дом находился всего в нескольких сотнях метров от мойки, и следователи пошли по набережной вдоль баров и ресторанов на Акер Брюгге. Снег повалил еще сильнее, и на улице почти не было прохожих. Проплывающий по фьорду катер из Нес-содена чертил «колею» на воде.

– Очевиднее всего предположить, что это как-то связано с его работой. – ответила Кафа. – Но «предатель»? Почему убийца использовал именно это слово? – Она бросила взгляд в сторону Фредрика. – На ресницах у Кафы лежали снежинки, и ей это очень шло. Кафе Икбаль вообще шло почти всё. Фредрику она всегда нравилась. Но поскольку между ними было двадцать лет, распавшийся брак и двое почти взрослых детей, он решил, что ему с ней суждено остаться коллегами, и не более того.

– Если это, конечно, написал убийца, – продолжила она. – Этого мы точно не знаем.

– Я отказываюсь верить, что таггинг и убийства никак не

связаны, – отозвался Фредрик. – Но кого же он предал? Эта женщина в машине – проститутка, а у заместителя директора имелась где-то партнерша или сожительница, которая пришла в ярость? Такой выстрел в пах... кто бы это ни был, он был очень зол на него.

Вскоре перед полицейскими сквозь метель показалась изогнутая стеклянная крыша Музея современного искусства Аструп-Фернли. Следователи пересекли деревянный мост, обозначавший границу между Акер Брюгге – оплотом старых яппи – и Тьювхолменом – игровой площадкой для детишек из богатых семей и выскочек. Холодные остроугольные здания этого царства камня и стекла украшали таблички с именами адвокатов с холодным и острым умом.

В этом комплексе и жил Хенри Фальк. Кафа с Фредриком переулком прошли к престижным квартирам прямо на краю мыса, где всегда завывали ветра. Фредрик понял, что есть ещё один мотив убийства заместителя. Мотив старый как мир. Богатство. Если Хенри Фальк мог позволить себе жить тут, он, без сомнения, был состоятельным человеком. А куда теперь улетят его деньги?

Консьержка с жемчужными серьгами в ушах поморщила тонкий нос, когда Фредрик с Кафой отряхнули с себя снег.

– Сюда уже приходил ваш коллега. Я его отослала назад, так как позвонила господину Фальку, а его дома не оказа-

лось. Могу, конечно, попробовать снова, но...

Кафа положила шапку на стойку ресепшена, и комок снега упал консьержке на клавиатуру.

– Хенри Фалька нет на месте, – сказала Кафа с натянутой улыбкой. – Насколько нам известно. Нам нужен ключ от его квартиры.

Женщина так засмеялась, словно Кафа предложила ей обменяться зубными щётками.

– У нас тут так не делается, – объяснила она и бумажным платочком вытерла снег с клавиш.

– Ну, что ж. Мы всё равно попадём в его квартиру. Можем добыть постановление суда, но это займет несколько часов, а пока придется огородить ваше фойе.

Фредрик видел, что консьержка ищет способ выпутаться из ситуации. Несмотря на то, что кроме него с Кафой никого рядом не было, она наклонилась вперёд и прошептала.

– Речь идёт о преступлении?

Кафа кивнула.

– Мы – следователи из отдела по борьбе с преступностью, – сказала она и позволила хозяйке ресепшена самой сделать выводы.

– С господином Фальком что-нибудь случилось?

Фредрику уже всё это порядком надоело. Он наклонился к ней так близко, что ему в нос ударил запах ментола из её рта.

– Ему отстрелили член. Но вы должны об этом молчать.

Договорились?

В лифте они оказались вместе с уборщицей. В ушах у неё были наушники, она жевала жвачку и подпевала неслышимым полицейским мелодиям. Фредрик пытался истолковать взгляд Кафы. Впечатлилась ли она его мастерством разруливать ситуации или посчитала его полным идиотом? Сам он остался собой доволен и бодро постукивал пальцами по бедру. Двери лифта открылись, и они лицом к лицу оказались со сторожем. Он надевал фуражку на свою тёмную кудрявую голову. Кафа остановила его в дверях лифта.

– Мы ищем квартиру Хенри Фалька.

Сторож пожал плечами.

– Извините. На дверях есть таблички с именами.

В конце коридора следователи нашли входную дверь Фалька. Ключом оказался необычный электронный кубик. Фредрик приложил его к дверной ручке, и тут же загорелась зелёная лампочка.

– Разве замок не должен щёлкнуть или типа того? – спросила Кафа.

Фредрик посмотрел на неё, подумав о том же самом.

– Думаю, дверь была не заперта, – тихо сказал он. – Вдруг там кто-нибудь есть?

Вместо ответа Кафа достала из кармана пальто мощный фонарь «Маглайт». Сделав вдох, Фредрик открыл дверь.

Каблуки Кафы зацокали по мозаичной плитке, когда на-

парники прошли мимо красочной картины Пушвагнера, висевшей в прихожей и ярко контрастировавшей с унылым светом из окон до пола в гостиной. Большая комната была разделена надвое каменной стойкой. Слева располагалась кухня из металла и полированного гранита, а справа стояли дизайнерский диван на тонких ножках и стеклянный стол. Над диваном висело несколько квадратной формы картин с изображением горизонтальных и вертикальных прямых линий разной ширины и на разных промежутках друг от друга. Фредрик чуть не вскрикнул, когда в дверной проёме около гостиной показался широкий силуэт человека.

– Какого чёрта тут творится!

– Франке?

В дверном проеме, ведущем в спальню, стоял офицер Франке Нуре. Полицейский, ухаживавший за чиновницей из Министерства юстиции тогда, на ужине в крепости Акерсхюс, выпучил свои стареющие глаза.

– Тьфу, как вы меня напугали, – раздраженно сказал он. – Зачем вы сюда ворвались?

Фредрик и Франке много лет работали вместе, но так и нашли общего языка. Франке принадлежал к тому поколению полицейских, в котором стереотипное мышление считалось хорошим методом расследования, а у Франке оно было таким же седым, как и он сам. С его слов, население состояло из старух, пакистанцев, педиков и обычных людей, и первые три из его списка виноваты абсолютно во всех про-

блемах последних.

– Что ты тут делаешь? – спросила Кафа. – Тебя Косс попросил приехать?

– Да, я сообщил ему, что еду сюда, – вызывающе ответил Франке. – На месте преступления делать нехрен, пока эти криминалисты-привидения не закончат свой пинцетный рейд. Так ведь?

– Ну да, – неуверенно согласился Фредрик и увидел, как Кафа, нахмурившись, пристально смотрит на Франке. – А как ты сюда попал? Консьержка в фойе сказала, что тебя не впускала.

– Фойе, – фыркнул Франке. – Фойе нужны, чтобы брать пиво в минибар. – Фредрик отметил про себя, что с этим, пожалуй, были бы все согласны. – Меня впустил сторож. Надо быть немножко ближе к простым людям. – Франке стукнул пальцем себе пол лбу у границы с ёжиком волос.

Фредрик подошел к панорамным окнам. Сквозь метель почти ничего не было видно. Но в теплый солнечный денек тут, должно быть, открывается красивейший вид из всех, что можно купить в Осло. Воды Осло-фьорда своей синевой манят взгляд, и с веранд квартир привилегированным жильцам можно с утра до вечера нежиться в лучах солнца и распивать шабли.

Спальня здесь была больше гостиной Фредрика. Перед окнами лежала шкура зебры. За приоткрытой зеркальной дверью шкафа висел ряд темных костюмов и пальто. Посе-

редине комнаты возвышалась широкая кровать с аккуратно сложенными поверх покрывала махровыми полотенцами.

– Это он явно не сам делал, – заметил Фредрик.

– Конечно, – ответила Кафа. – Стоя у письменного стола в другом конце спальни, она надевала резиновые перчатки. – В фойе была вывеска. Уборка, стирка, глажка входят в квартплату. – Она ткнула пальцем в монитор компьютера. – Франке, ты тут что-нибудь трогал?

– Нет. Я ни черта не смыслю в компьютерах. Я даже осмотреться тут не успел, как вы ворвались.

– Как странно, – сказала Кафа. – Компьютер включен. Словно им только что собирались воспользоваться.

Фредрик начал медленный обход квартиры. Ничего не трогая, он только рассматривал интерьер и стены, заглянул в холодильник, в мусорное ведро и корзину с грязным бельем. Он сюда пришел не для того, чтобы искать микроскопические следы крови или спермы, отпечатки пальцев или остатки волос. Криминалисты справятся с этим намного лучше. Фредрик был тут, чтобы понять, кем был Хенри Фальк. Что он был за тип? Что читал перед сном, что надевал, когда вставал по утрам? Перед смертью Фалька называли предателем. Фредрик предполагал, что смерть замдиректора наступила в результате образа его жизни. Именно рассказ о его жизни и искал Фредрик.

В ванной комнате громоздилась угловая ванна. Гостевой комнатой не пользовались, а в туалете около прихожей пря-

мо над унитазом висела репродукция картины Мунка. В туалете заместитель директора читал «Финансависен» и «ВГ», а за барной стойкой на кухне – «Форбс». На маленьком книжном стеллаже Фредрик нашел биографии Дарвина, Черчилля и Стива Джобса. Предметы искусства в интерьере были из тех, что галереи усиленно продвигали в последние годы, а в холодильнике стояли несколько полупустых контейнеров с едой навынос. В спальне взгляд полицейского упал на ночной столик. Там лежала газетная вырезка с фото Фалька и других джентльменов с самоуверенными лицами и в деловых костюмах. Заголовок – «Консультанты с топовыми зарплатами».

– Твою же мать. Как думаешь, сколько ему было? – Франке встал рядом с Фредриком. – Мой ровесник? Эта сволочь за год нахапала больше, чем я заработал в полиции за всю жизнь, – проворчал он.

– Зато тебе никто не отстрелил твой прибор, – отозвался Фредрик.

– Да. Пока не отстрелили.

Под вырезкой оказалась книга в твердой обложке с истрепанным корешком и мелким шрифтом. Фредрик прищурился поверх очков. Старое издание романа Г. Уэллса «Люди как боги». Обложка книги оттопыривалась – там было что-то внутри.

– Чёрт побери, – вырвалось у него. Между обложкой и первой страницей лежал изогнутый стальной нож с длинной

рукояткой и коротким, острым как бритва лезвием.

– Устричный нож, – сказал Франке.

– А я думала, восточные ножи короткие? – сказала Кафа.

– Но не тот, что у богача.

– И зачем он ему в спальне? Внутри книги?

– Может, он любит жевать устриц в постели? – Франке усмехнулся и покосился на Кафу. – Знаешь, что говорят про их запах? – добавил он и жадно втянул носом воздух. – Может, он давал ему какие-нибудь ассоциации, пока он лежал тут в одиночестве.

– Судя по тому, что я слышу, большинство мужчин в его возрасте – импотенты, – ответила Кафа.

Глава 11

Он покрывал её, словно бык. Его массивное тело раскачивалось над ней, мощные ладони скользили по гладким плечам, спина изогнулась пологой дугой, а над ней возвышалась большая и некрасивая голова. Мышцы шеи натянулись, вены на горле пульсировали и кадык поднимался и опускался в такт с гортанным мычанием. Качаниям тела аккомпанировали стоны женщины, мускулы на её бедрах напряглись, ведь они держали вес двух тел. Лицом она уткнулась в подушку, и оно было скрыто под волосами.

Зрелище было жутким, и жестокость усилилась, когда мужчина, просунув кулак между плечом и подбородком женщины, схватил ее за горло и поставил на колени. Её хрипы от нехватки воздуха явно возбуждали его, и толчки стали интенсивнее, пока, наконец, он сильным рывком не сбросил ее с кровати. Она без сил рухнула на пол.

– Хенри, – пропищала она.

– Достаточно, – тихо сказал начальник управления Тронд Антон Неме. – Можете выключать.

Полицейские сидели за длинным столом в продолговатой переговорной управления полиции. Кафа заняла место во главе стола. Она подсоединила компьютер Фалька к громко жужжащему под потолком проектору. Свет был приглушен, а окна зашторены. Сидевшая рядом с Фредриком с серьез-

ным лицом Тересе Грёфтинг, глава группы криминалистов, нахмурилась. Напротив Фредрика расположились Франке, инспектор Косс и начальник управления. В свете от экрана их кожа казалась холодной и безжизненной.

– Нет, – возразила Кафа. – Нужно смотреть дальше.

Хенри Фальк поднялся с постели. Большого роста мужчина, толстый и с выпирающим животом, глазами навыкате и взлохмаченными седыми волосами, голой ступней пнул женщину. Та была высокой и худощавой, со скандинавскими чертами лица, но с более темной кожей. Фальк попал партнерше в грудь, что заставило ее вернуться в кровать. Он сильно схватил женщину за шею, придавил её худенький торс, после чего возобновил фрикции. Наконец Кафа поставила видео на паузу. Подошла к экрану и подняла руку так, что бледное тело Фалька оказалось над её рукой.

– Вот, – сказала Кафа, указывая на место между его ногами и задом женщины. Кадр был хорошего качества и у Фредрика перехватило дыхание. Между бедер Хенри Фалька было четко видно руку женщины. Она держала длинный серебристый предмет. Нож для устриц. Кончик лезвия был всего в нескольких сантиметрах от половых органов партнера.

– Значит... мулатка так защищалась? – спросил Франке. Кафа проигнорировала его реплику.

– Это называется блейдинг. Ритуал садомазохистов. Это игра по договоренности. Необычно, что нож держит она. Как правило, оружие в руках доминанта, он угрожает им и воз-

буждает нижнего.

– Значит, это такая форма равновесия насилия? – Франке выглядел искренне заинтересованным.

– Да. Что-то подобное.

– Откуда вы знаете, что она просто не перехватила у него нож? – спросил начальник управления.

– Хотите посмотреть дальше? Там еще хуже. Но она ни разу не использовала нож для самозащиты. Только сжимает в руке, царапает и укалывает весь сеанс.

Злобное выражение лица Неме говорило само за себя.

– Поверю вам на слово.

– Утром я говорила с патологоанатомом, – продолжила Кафа. – У Хенри Фалька множество шрамов и царапин, нанесенных острым предметом, видимо, ножом для устриц, в паху и на бедрах. Очевидно, и на половых органах тоже, но они слишком сильно повреждены, чтобы сказать точно. В этой области пролегают крупнейшие артерии. Одно неверное движение, и он мог распрощаться с жизнью.

– Господи Иисусе, – сказал Неме. – Уберите этот жуткий кадр и включите свет. Твою мать. Что не так с этими людьми?

Лампы замигали, и Фредрик зажмурился. Он отставил стул назад, раздвинул шторы и приоткрыл окно на те несколько сантиметров, которые оно позволяло. Просунул руку в щель. Метель не прекращалась всю ночь, и сейчас снег еще шел, мягкие снежинки приятно падали на ладонь и тут

же таяли.

Придвинувшись обратно к столу, он почувствовал руку Тересе Грёфтинг на своей.

– У тебя всё нормально?

Фредрик слегка улыбнулся.

– Ну и хрень, – сказал он, показав на экран.

Тересе сжала его ладонь чуть крепче и убрала руку.

Начальник управления встал и сел рядом с Кафой, откинув свое длинное тело на спинку стула. Неме, с седеющими висками и волевым подбородком, был на пару лет старше Фредрика. Начальник был так широкоплеч, что униформу ему приходилось шить на заказ. Кроме того, что Неме отнюдь не был приверженцем индивидуального пошива, он считал, что все люди способны отделять хорошее от плохого, и те, кто выбирает последнее, должны подвергнуться суду. Поэтому его так шокировало, что мужчина на должности Фалька мог вести себя так аморально. Сам начальник предпочитал миссионерскую позу, как он однажды признался Фредрику.

Но когда оказалось, что на автомойке в Вике, свисая с голой жопой с моющего барабана, свою жизнь закончил один из доверенных членов общества и обладатель высоких доходов, начальник управления просто не мог не вовлечься в это дело. У властных людей властные друзья. А властные друзья имеют влияние на карьеру таких, как Тронд Антон Неме.

– Одного я не понимаю... – вздохнул Неме и, прищурив-

шись, посмотрел на Кафу. – Зачем он снимал это на видео? А что, если бы его кто-нибудь увидел? Это бы уничтожило его доброе имя и репутацию.

– Возможно, именно это и должно было произойти.

– О чём вы?

– Его компьютер абсолютно пуст: ни писем, ни рабочих документов. А это видео загружено не обычным образом, а как временный файл. Компьютер, как правило, сам создает такие файлы во время работы, а потом удаляет, не сообщая пользователю.

– Не понимаю, – ответил Неме.

– Компьютер стоял на письменном столе в спальне Фалька. Видео записывалось на камеру над экраном. Наши компьютерщики подозревают, что камеру взломали. Что кто-то контролировал её без ведома Фалька.

– Чтобы шантажировать его и требовать деньги?

– А может, информацию? Или чтобы повлиять на секретный проект, в котором он участвовал? Я не знаю, – пожала плечами Кафа и повернулась к Фредрику. – Та журналистка, о которой ты говорил...

– Бенедикте Штольц.

– Да. Она точно знает что-то об этом проекте. Значит, он не был полностью засекречен. Тебе удалось с ней связаться?

– Она не берет трубку.

Лицо начальника управления помрачнело. Ему совершенно не нравился поворот, который приобретало это дело. Это

было очевидно.

– Грёфтинг, – буркнул он, вперив взгляд в криминалиста. – Что там по автомойке?

– Ну, – начала Тересе. – Начнём с женщины. Её убили выстрелом сзади в шею с близкого расстояния. От десяти до пятнадцати сантиметров. Пуля прошла через череп и, выйдя через лоб, пробила лобовое стекло. Мы нашли пулю в бетонной стене на противоположной стороне мойки. Калибр девять на девятнадцать миллиметров, что означает, что орудие убийства может быть совершенно любой пистолет. – Сделав паузу, она изучила свои бумаги. – В машине мы нашли остатки вина, видимо, из бутылки из-под дорогого шампанского, лежавшей на полу на мойке. К рулю привязаны женские трусы, содержавшие следы ДНК обоих убитых. В держателе для чашек мы обнаружили неподписанный пакетик, предполагаем, что с «Виагрой». В портмоне под шубой нашли банковскую карту женщины. Отыскать ее мобильный не удалось, но оператор должен сегодня в течение дня переслать данные ее телефона. Её зовут Беата Вагнер. Я передала Кафе всю информацию.

Криминалистка на мгновение вынырнула из записей и посмотрела на Фредрика.

– В Хенри Фалька стреляли дважды. Пуля в паху вызвала обширное повреждение половых органов и внутреннее кровотечение. Вторая проникла в область живота, разорвав кишечник и желудок. Причина смерти – полиорганный недоста-

точность и, как следствие, потеря крови и мгновенный сепсис, другими словами – заражение крови. Патологоанатом предполагает, что Фальк был жив еще один-два часа после выстрелов.

– Бедный мужик, – пробормотал Косс.

Тересе кивнула.

– Несмотря на то, что преступник и оружие одни и те же, я считаю, что методы убийства или, скорее, цели разные. Беату Вагнер просто ликвидировали. Быстро и без мучений. Так, как избавляются от свидетеля. А вот убийство Фалька наоборот... напоминает пытку. Значит, здесь замешаны сильные чувства. Это подтверждает и слово, написанное на машине. Предатель.

Неме удрученно застонал и повернулся к Кафе.

– Эта Вагнер... – начал он, но его перебила Тересе.

– Есть еще кое-что.

– Да?

– Убийца, пока мы предполагаем, что это мужчина, не знал, сколько еще проживет Фальк. Повреждения были смертельны, но, скорее всего, он был в сознании. И все-таки убийца рискнул оставить его так. Думаю, преступник был уверен, что жертва не узнает его, – сказала она.

– Получается...кто-то так сильно ненавидел Фалька, что хотел его страданий, и при этом Фальк не мог идентифицировать убийцу? – спросил Франке. – Разве это не противоречит само себе?

– Не противоречит, если убийцу наняли, чтобы выполнить задание, – сказал Фредрик. – Наемного убийцу.

Глава 12

Отдел по борьбе с преступностью был театром, где одну трагедию в разных вариациях никогда не снимали с репертуара. Она была полна любви и ненависти, вожделения и ревности, жадности и страха. И каждый, кто входил в двери этого театра, получал свою роль. Большинство, конечно, были просто зрителями. Ребенок, увидевший, как его отец гонится за матерью с разбитой бутылкой в руке. Пенсионер, ставший свидетелем кражи при покупке папиросного табака. А другим доставалась печальная роль жертвы. И полиция должна не ударить в грязь лицом, чтобы убийцы, мужья, колотившие жен, хулиганы, редко признающие вину, а чаще настаивающие на своей непричастности, держась холодно или судорожно плача, стали теми, кем и должны, представ перед судом за свои злодеяния.

За годы работы Фредрик научился с первого взгляда определять роли каждого. Он видел это в их взглядах исподлобья. В трясущихся пальцах у кофейного автомата. Чувствовал по запаху пота, исходящего их телами при звуке нетерпеливых шагов по линолеуму.

Но женщину, которую он наблюдал сейчас, отнести к какой-то группе он не мог. Сопровождающий ее полицейский не заметил, что она отстала и теперь неуверенно шла за ним по коридору. Ей, должно быть, хорошо за пятьдесят. Может,

и шестьдесят. Седые волосы заплетены в простую косу, ниспадавшую на стильное шерстяное пальто. Фредрик не сумел ничего понять по ее глазам. Бегающие, словно женщина боялась, что они ее выдадут, и в то же время полные боли и ищущие помощи.

Закрутив крышку термоса с кофе, Фредрик посмотрел ей вслед, но она уже ушла.

– Рак, – сказал Франке. – В последнее время состояние ухудшилось. Она лежит в Центральной больнице. Коссу я сообщил, но, думаю, и вам стоит знать, на случай если я понадоблюсь.

Фредрик понял, что вошел прямо посреди откровения и попытался найти место, не привлекая к себе внимания. Тересе склонилась к его плечу.

– У Франке больна жена, – прошептала она. Фредрик вдруг вспомнил, что как-то Франке рассказывал ему об этом. Но сейчас он уже и не знал, когда это было, да он и не был уверен, что принял это всерьез – Франке всегда был полон всякого дерьма.

– Ну, – неловко сказал начальник управления. – Теперь мы знаем, в чем дело. Франке, предлагаю вам отчитаться по делу Хенри Фалька, а потом вернуться в больницу.

Франке посмотрел на Фредрика. В глазах коллеги не было триумфа. И все же в них присутствовал легкий налет, словно Франке считал, что у него есть какое-то преимущество

и Фредрику стоит это признать. Франке перевел взгляд на присутствующих, и Фредрику стало стыдно. Пора уже прекращать искать в людях худшее.

– Полагаю, большинство из вас слышали об одноглазом враче? – спросил Франке. Никто не ответил. – Один из самых преследуемых террористов в мире. Впервые он появился на радаре в Афганистане, около пятнадцати лет назад. Тогда он работал на одного из военачальников Талибана. Затем порвал с Талибаном. Потом был период, связанный с Аль-Каидой, и он опять перешел на другую сторону – стал одним из государственных лидеров, установив халифат в Сирии и Ираке. Когда халифат разгромили, он залег на дно. Его считают организатором десятков терактов – как в Европе, так и у арабов.

Франке достал из кармана пиджака блокнот. У полицейского дрожали руки, пока он перелистывал страницы назад.

– В 2010-м, когда еще вовсю шла охота на лидера Аль-Каиды Усаму Бен Ладена, группа американских спецназовцев наткнулась на склад оружия в одной из горных деревень Афганистана. Деревней управляли люди одноглазого врача. В подвале они нашли огромное количество произведенных в Норвегии боеприпасов. Продвинутые гранатометы, бомбомёты и взрывчатка. Большинство из них даже не вынули из коробок. Официально это объяснялось тем, что террористы добыли вооружение во время очередного рейда у афганской военной колонны. Кнопка тревоги сработала, когда произ-

водитель стал сверять серийные номера. Оказалось, что это оружие никогда никому не продавали. По документам производителя, оно находилось на складе в Рауфоссе.

– Значит, его украли? – вклинился Неме.

– Нет. Когда они проверили склад, всё было на месте.

– И что это значит?

Франке пожал плечами.

– Это и пытался выяснить Хенри Фальк. Производитель подтверждает, что найденное в Афганистане оружие произведено у него. Но у такого оборудования всегда индивидуальные серийные номера. Задачей Фалька было узнать, что же случилось. Выяснить, каким образом целый арсенал всевозможного оружия мог оказаться в руках одноглазого, при том, что боеприпасы ниоткуда не пропадали.

– А кто источник этой информации? – спросил Косс.

– Начальник Фалька. Вильфред Форманд, директор и владелец консалтинговой компании «Форманд-Бернье».

Их целью было заявить об этом деле в полицию, если они установят, что был нарушен закон.

– Если они установят, что был нарушен закон, – передразнил начальник. – И насколько Фальк продвинулся в этом расследовании?

Франке грустно улыбнулся.

– Боюсь, не сильно. Он заканчивал первую часть отчета, который, на самом деле, был просто полной версией того, что я сейчас рассказал. А вот поисками и расследованием он

должен был как раз заниматься сейчас.

— И кто-то с довольным видом теперь смотрит на то, что он больше не роется в этом, — сказал Косс. — Они раздобыли на него компромат. Может, шантажировали? А когда он не остановился, убили?

— Может быть, и так, — ответил Франке. — Но в таком случае, почему он не сообщил начальству, что его шантажируют? Руководитель отозвался о нем как о неподкупном человеке. — Франке заглянул в свой блокнот. — Необычайно высокая работоспособность, неколебимая мораль и неукоснительное соблюдение деловой этики.

— Неудивительно, что Фальк молчал, — заметил Фредрик. — Учитывая, какой это был компромат. А как отреагировал начальник на смерть Фалька? Ты рассказал ему об обстоятельствах?

Франке чуть замялся.

— Я сказал ему только то, что Фалька убили. Отреагировал он... я бы сказал, по-деловому. Фальк не был женат, потомством не обзавелся. Он был единственным ребенком в семье и унаследовал значительную сумму после смерти родителей. Все, что он оставил после себя, завещал различным научным институтам и университетам. Те немногие, кто его знали, отзываются о нем как о труженике. При этом они употребили и другие определения — тщеславный, надменный и эгоистичный.

На несколько секунд в маленькой переговорной воцари-

лась тишина. Видимо все переваривали услышанное.

– Я одного не понимаю, – сказал Фредрик. – Если тот отчет по оружию – мотив, то почему Фалька называли предателем? Кого он предал? И почему нужно было так зверски его пытаться?

– Хочешь сказать, его убили по другим причинам? – спросил Косс.

– Я хочу сказать, что другие причины могут быть. Попытку получить наследство можно смело отметить. Но что насчет всего этого секса? Может, Фальк заманивал к себе домой тех, кто не хотел участвовать в этих играх? Кто не был в восторге от удушения, избиения и изнасилования.

Все промолчали, и начальник управления взял слово.

– И последнее перед тем, как мы закончим. Вторая жертва, Беата Вагнер. – Он бросил взгляд на Кафу. Та, поставив локти на стол, теребила воротник вязаного свитера. Казалось, она полностью погрузилась в свои мысли.

– Икбаль. Беата Вагнер, – громко повторил Неме.

Кафа вздрогнула.

– Извините. Сейчас в ее квартире работают наши люди. Криминалисты еще не закончили, но на данный момент ничто не указывает на возможную причину ее убийства кроме той, что Вагнер находилась в тот момент с Хенри Фальком. – Кафа пролистала вперед свои бумаги. – Ей сорок пять. Не замужем, без детей, на учете не состояла. Более десяти лет работала секретарем в Министерстве финансов, начальник

описывает её как работающую, но в общем-то безликую. Серая мышь, так он ее называл.

Косс присвистнул.

– Серая мышь, – повторил он, многозначительно кивнув.

– Мать Вагнер – норвежка, отец – немец индийского происхождения, – продолжила Кафа. – Мать умерла, а отец живет в Кёльне. Еще я поговорила с двумя ее подругами. Вагнер состояла во множестве отношений, но ни одни не длились особенно долго. С Хенри Фальком они познакомились на работе. Она была секретарем проекта, который Министерство поручило Фальку. Они встречались около года. Ничего хорошего про Фалька подруги сказать не могли, кроме того, что он богат.

Глава 13

Дочь Леонарда Руди не смогла обойти молчанием тот факт, что отец пригласил на воскресный ужин парня, который сказал, что у нее огромный зад. Пока Леонард расставлял тарелки на обеденном столе в доме хюсмана в Маридалене, Маргарет сидела на диване и ныла. Она накрасила глаза чёрным и надела бесформенное панк-платье.

– Я умру от стыда, – простонала она, когда фары машины осветили гостиную.

Любителя задниц звали Расмус. Его глаза расширились, когда он увидел в дверях Леонарда.

– Спасибо за приглашение, – солгал он.

– Рад, что вы пришли. Надеюсь вы любите ветчину, – ответил Леонард.

Мать Расмуса была маленькой, но хорошо сложенной, с улыбкой на лице и мышинными косичками на голове.

– С такой попой у матери ему не пристало слишком много думать о других. – Хлопнув себя по округлому задку, она положила руку на запястье Леонарду и засмеялась. – Кстати, я Вигдис. Развожу свиней. – Леонарду она сразу же понравилась.

– Мама, – прозвучал страдальческий голос. – Хватит.

В прошлый раз, когда Леонард видел девушку, стоявшую в тени матери, на ней был обтягивающий комбинезон, а ди-

ректора она назвала свиньей. На этот раз ее косички завязаны в красивый высокий узел, а белая блузка благопристойно заправлена в праздничные брюки.

– Да, Викинг, я же говорила, что мы еще столкнемся тут, – сказала она и по-дружески похлопала его по плечу. – Ты только не обращай внимания на мамашу. У нее овуляция.

Двенадцатилетние подростки мигом съели свой ужин, и Маргарет возмущенно ушла к себе в комнату, а Расмус сел на кухне смотреть футбольный матч с экрана телефона, позабывшись тому, что телевизора у семьи Руди не было. Вигдис хотела отправить его к Маргарет, но тот отказался.

– С ней сейчас не очень просто общаться. Главное, чтобы они ладили...

– Расмус ни слова больше не скажет о ее заднице. Это я тебе обещаю. Мать дала ему приличную взбучку, – сказала Тура, отодвигая тарелку. – И заслуженно. Он же настоящий гендерный фашист. Лучше к ней поднимусь, – добавила Тура и ушла с глаз матери.

– А сколько ей лет? – спросил Леонард.

Вигдис улыбнулась.

– Через месяц исполнится шестнадцать. Жду-не дождусь. Подумываю, не запереть ли ее в подвале.

Он хохотнул.

– Когда мы с ней работали, мне показалось, что Тура может о себе позаботиться, если вас это утешит. Давно она занимается факирством? У нее здорово получается.

– Давно. Ее отец обожал такие штучки. Глотать огонь, жонглировать... Еще акробатикой занимался. Брал ее с собой на средневековые гуляния и охоту на кабанов.

– И сейчас берет?

Она отлично поняла, о чем ее спросили.

– Охотники на кабанов не могут разводить свиней. Мы разошлись, когда Тура пошла в школу. А у вас...

– Мать Маргарет умерла чуть больше года назад. Ей едва исполнилось сорок, никогда не болела. Однажды у нее случился инсульт, и все.

– Как печально, – отозвалась Вигдис.

– Да. Было очень нелегко. Смерть мамы очень ударила по Маргарет. Поэтому мы сюда и переехали, я решил, что Маргарет так будет лучше. Но теперь я даже не знаю...

Он стал убирать тарелки со стола и предложил Вигдис еще бокал вина. Вигдис кивком указала на машину на улице.

– На сегодня хватит. Ну а вы как живете? Зарабатываете факирством?

– Отнюдь. Я планирую перестроить вон тот сарай в стеклянный домик. Я дипломированный стеклодув.

Она посмотрела на его руки в татуировках.

– Есть что-то в черных парнях. Рукастые вы все.

– Если я заработаю много денег, может, и главное здание фермы однажды куплю.

Она дружелюбно фыркнула.

– Ну, за Сульру вам много платить не придется. Кроме

вас, жить там никто не захочет.

– Это я уже понял. А почему?

Она придвинулась ближе к столу и посмотрела на бутылку вина.

– Ладно, давайте еще по бокалу. Пойдем домой пешком.

Вигдис выросла в Маридалене. Она унаследовала ферму и помнила тот день, когда секта Сульру поселилась в деревне.

– Секта Сульру, – повторил Леонард, словно взвешивая слово на языке. – Звучит не очень.

– Когда они сюда переехали, мы думали, что это просто какая-то эксцентричная община. Они никак не хотели контактировать с другими. Единственные, с кем они общались, была пожилая пара, жившая тут. В доме, который вы купили.

Но однажды ночью четыре года назад Вигдис проснулась от воя сирен. Долину осветил голубой свет мигалок. Какой-то убийца устроил там бойню. Он застрелил из автомата семь или восемь мужчин, живших в Сульру.

– Его целью, видимо, были пасторы, управлявшие общиной. Двоих он уничтожил, а третий исчез. С тех пор никто о нем ничего не слышал.

– И все это произошло в этой маленькой умиротворенной долине? – Леонард недоверчиво посмотрел на нее. – Тура мне говорила что-то такое, но я решил, что это просто небылицы. А чем вообще занималась эта секта?

Вигдис сделала большой глоток вина, выпрямилась и прислушалась, словно чтобы проверить, не подслушивает кто-

нибудь из детей.

– Смотря кого спросить. Но судя по тому, что слышала я, никакими христианами они не были. Они были приверженцами дьявола.

Леонард рассмеялся.

– Под мостком располагался подвал, и там проводили... церемонии. Оргии, кровавые ритуалы... просто дикие вещи. Полиция тогда на несколько месяцев опечатала ферму. Перед отъездом они засыпали подвал камнями и замуровали люк.

Вигдис посмотрела на Леонарда.

– Можете смеяться, но я говорю правду. И это еще не самое дикое.

– Правда?

– Одну из убитых сектанток, маму маленького мальчика, звали Анnette Ветре. – Вигдис так это произнесла, словно имя должно было о чем-то ему говорить. – Ну, Ветре, – повторила она.

– Никогда не слышал.

– Боже, сколько же вы пробыли за границей? Анnette была дочерью Кари Лисе Ветре. Государственного советника. Заместителя председателя Христианской народной партии.

Леонард присвистнул.

– Секс, дьявол и политика. А кто убийца?

– Швед.

Леонард многозначительно кивнул.

– Швед. Это все объясняет.

– Он был шведом. Его звали Стаффан. Фамилию не помню. Его поймали, но вскоре он погиб при пожаре. Он был солдатом «коммандос». Говорят, ему изуродовали лицо, когда поймали много лет назад, и от пыток он сошел с ума. Так он и связался с сектой Сульру. Видимо, нашел родственные души. А потом просто кукушка поехала. – Она немного замялась. – Помните, я говорила о пасторе, который исчез?

Леонард кивнул.

– Говорят, швед убил его и съел его труп. Поэтому его так и не нашли.

Леонард не пытался скрыть свой скепсис.

– Простите, вы правда верите в эту историю?

Вигдис пожала плечами.

– Вы же здесь, в деревне. Тут много странностей творится. В прошлом году у одной из моих свиней родился двухголовый поросенок.

– Думаете, это как-то связано с сектой?

– Да нет, – она улыбнулась. – Там был виноват один похотливый хряк по имени Камелот. Но, как бы то ни было, жить в Сульру никто не хочет. Ферма уже много лет выставлена на продажу.

Час спустя Леонард стоял у двери в комнату дочери. Гости собрались уходить, но оживленный голос Туры за дверью заставил его остановиться.

– Масло от лампы на вкус как дерьмо. Нужно заставить себя не глотать, а сжать губы и резко все выплюнуть. Как дракон. Пустить такую сильную струю, чтобы она достала до факела.

Он постучался. Девочки сидели на полу друг напротив друга в позе лотоса. Тура держала стеариновую свечу около губ. Глаза Маргарет горели энтузиазмом. Когда он видел ее такой в последний раз? Очень давно.

– Что делаете, девочки?

– Ничего, – быстро ответила Маргарет.

– Я учу твою дочь плевать огнем. Почему ты сам ее не научишь этому? Это же клево.

– Хорошо провели время? – спросил он. Маргарет кивнула, и Леонард вздохнул. – Знаешь, Тура, если ты хочешь прийти к нам еще и научить Маргарет плевать огнем, милости просим.

Тура с триумфом посмотрела на его дочь.

– Я же сказала, что он согласится.

В тот вечер вопреки традиции Маргарет не пришла пожелать отцу спокойной ночи. Она сразу отправилась спать, а когда Леонард приоткрыл дверь, то понял, что дочь чего-то ждет. Он присел на край кровати.

– Ты правда думаешь, что Тура вернется? Несмотря на нашу разницу в возрасте? – спросила дочь.

– У вас не такая уж большая разница, – ответил Леонард, погладив ее по голове, и стер остатки макияжа из уголков

глаз. — Уверен, она снова захочет к тебе прийти.

Немного подумав, он добавил:

— Послушай. Про хутор Сульру ходит много странных слухов. Не нужно верить всему, что говорят люди.

— А я думаю, там живет домовой.

— Тот, кто ест твою кашу? Почему ты так решила?

— Потому что следы ведут туда.

Он положил руку ей на голову.

— Ты ведь знаешь, что это просто звери ходят, правда?

— Звери, которые говорят спасибо?

— О чем ты?

Маргарет приподнялась и достала из-под кровати маленькую резную коробочку из дерева. Подарок от матери. Повозилась с замком. Внутри лежали какие-то маленькие веточки. Она вытащила несколько и положила Леонарду на ладонь. Два креста вырезаны из дерева и завернуты в кусок коры. И так со всеми.

— Каждый раз, когда я забираю пустую миску, в ней лежит такой крестик. В качестве благодарности.

Глава 14

Когда Фредрик с Кафой спешно вышли из управления, облака догорали, окрасившись в розовые, оранжевые и алые тона. Солнце только что сожрал горизонт, и игра красок была прощальным подарком перед тёмной холодной ночью.

Фредрик тоже сгорал. Уже несколько дней он пытался связаться с Бенедикте Штольц. Каждый раз, когда он откладывал телефон, игла тревоги всё глубже вонзалась в полицейского. Наконец он позвонил ее работодателям на ТВ2. Там объяснили, что она работала над документальным проектом, а потому могла приходить в офис и уходить, когда ей захочется. Фредрику дали номер ее девушки и сожительницы. Она сразу же ответила на его звонок.

– Виктория Пителль.

– Это старший офицер полиции Фредрик Бейер. Я...

– О Господи! Вы нашли ее?

С того дня, как Бенедикте уехала на работу ранним утром, прошло четверо суток. С тех пор от нее не было ни слуху ни духу. Ее девушка заявила в полицию, но, как и в большинстве таких дел, ей ответили, что посмотрят, что можно сделать. Обычно пропавшие быстро находятся.

– Но Бенедикте не такая, – сказала Виктория.

Фредрик знал, что никто не такой. Пока однажды они не становятся такими и так и остаются ими до последнего

вздоха. И так было с абсолютным большинством пропавших. Некоторые брали веревку и записку и шли в лес. Других, как правило, женщин, насиловали и потрошили. Застреленных мужчин закапывали в канаве.

– Спасибо, – сказал Фредрик, задав ей свои вопросы. – У вас наверняка нет причин волноваться. Я займусь расследованием и скоро вам позвоню. – Ему даже не нужно было проверять свои записи. Бенедикте Штольц пропала наутро после убийства Хенри Фалька.

Фредрик изложил свои мысли Кафе. Хенри Фальк показал «фак» Бенедикте Штольц в тот вечер в крепости Акерсхюс. Он был разъярен, потому что она что-то на него нарыла? Может, она знала о том видео? Может быть, вынуждала Фалька заговорить, чтобы его не убили?

– Если Фалька убили из-за отчета о краденом оружии, и Штольц тоже была в курсе его содержания... – Кафа не успела закончить предложение. Они собирались к инспектору Коссу, как вдруг он выбежал им навстречу.

– Поезжайте в Министерство финансов. Они попросили о встрече. Немедленно.

Облака приобрели свой обычный цвет, когда следователи поднимались по монументальной лестнице в здании в югенд-стиле³ на Акерсгата. По дороге они почти не говорили. Перешагивая через сугробы, Фредрик размышлял. Что мини-

³ Югендстиль – немецкое название стиля модерн (*прим. пер.*).

стерство от них хочет? Неужели власти тоже участвовали в оценке найденного в Афганистане оружия? В том, что назревал скандал, не было никаких сомнений, и Фредрик не мог избавиться от мысли, что Бенедикте Штольц его учуяла. Но какое отношение к этому имеет Министерство финансов? Разве это не ответственность Министерства обороны? Что-то здесь не так.

Что именно было не так, он понял, когда их с Кафой сразу же провели в кабинет министра. Кресло с высокой спинкой за письменным столом красного дерева пустовало, а в овальном углу комнаты сидели двое мужчин. Одного из них Фредрик узнал. Одетый в костюм щуплый парень под сорок. Его глубоко посаженные глазки и узкая челюсть всегда напоминали полицейскому о крысе. Мужчину звали Рубен Андерсен. Советник и правая рука министра Симона Рибе.

– Икбаль и Бейер, – начал Андерсен. – Сколько новых рабочих мест правительство создало в полиции Осло. И все равно посылают вас. Неудивительно, что мы никак не справимся с преступностью в городе. – Он залился смехом, словно чтобы подчеркнуть, что это шутка, но с долей правды.

Фыркнув, Фредрик пожал руку второму мужчине. В отличие от Андерсена, тот встал. Пожилой мужчина в теле, с бледными губами и зачесанными назад волосами.

– Хокон Бюль, – назвался он. Голос его был авторитетным и глубоким.

– Бюль? – представившись, переспросила Кафа. – Вы

разве не работали на прошлое правительство? Вы же из рабочей партии?

Бюльль загоготал, пока следователи рассаживались на диване, обитом тонкой тканью вишневого цвета – такого же, как обои.

– Впечатляюще, юная леди. Не многие помнят старых статс-секретарей Министерства обороны. После того, как Амундсен и его соратники из «Хёйре» выкинули нас из правительства, я ушел в консалтинг. Платят лучше и меньше внимания прессы. – Он снова загоготал. – Сейчас министерство наняло меня, чтобы закончить один проект, который начали еще до выборов. Знаете... – начал он так, словно собирался раскрыть тайну, – ...две крупнейшие партии Норвегии, рабочая и «Хёйре» на самом деле во многом согласны друг с другом. Особенно в том, что касается политики обороны. Поэтому мы и собрались здесь сегодня, – сказал он, встретившись взглядом с Андерсеном.

– Да, – кратко отозвался Фредрик. – Мы были бы очень признательны, если вы скажете, зачем нас сюда пригласили.

Рубен Андерсен переключился на деловой режим.

– Как вы наверняка знаете, министр финансов Фисквик сейчас на больничном. Прогноз пока неизвестен, поэтому премьер-министр внес некоторые временные изменения в работу правительства. У специального советника Министерства финансов сегодня первый рабочий день, – сказал Андерсен, кивнув на дверь около стола. – Она сейчас на встрече

с административным начальством министерства. После этого выйдет к нам.

Фредрик напрягся, чтобы сохранить безразличное выражение лица. Он не особо разбирался в политике, но знал основное: правительство состоит из двух консервативных партий – «Хёйре» и Христианской народной партии. «Хёйре» – крупнейшая, и оттуда был премьер-министр, а Христианскую партию предоставляла министр финансов, занимающий следующий по важности пост. Поскольку лидер партии болеет, его место заняла заместитель, Кари Лисе Ветре, считающаяся самой могущественной женщиной Норвегии.

Фредрик уже был знаком с Ветре. Когда она еще была в оппозиции в Стортинге, ее дочь попала в христианскую секту, которую вырезали на хуторе Сульру. Он был с ней рядом, когда она оплакивала дочь, сбежавшую из общины сумасшедшего пастора, но все же погибшую от рук убийцы, который охотился на эту секту. Фредрик ведь тоже потерял ребенка, и их трагедии создали между ними связь.

Друзьями они не были, отнюдь, но когда видишь обнаженное горе другого человека, твоя рана в душе тоже начинает жечь.

Ветре была одета как обычно. Классически и элегантно. В ухоженных волосах появилось несколько седых прядей, в остальном казалось, что годы никак ее не затронули. Они поздоровались, но Ветре ничего не сказала, только пожала ему руку чуть дольше, после чего села на стул и сложила руки на

столе перед собой.

– Я так понимаю, что вы освободили место в моем расписании ради какого-то важного дела. Но у меня не было времени посмотреть его в подробностях. Рубен, вы могли бы нас вкратце сориентировать?

Советник сморщил нос.

– Ну что ж. Я пригласил полицию, потому что они расследуют убийство одного консультанта, Хенри Фалька. Фальк был связан с Министерством обороны, работая над оценкой... экспорта оружия, произведенного, судя по всему, противозаконно.

– Да, – прервала его Ветре. – Это мне сообщили. Каким образом это затрагивает мое министерство? – Она сказала это с нажимом, словно решила надолго обосноваться в этом кабинете. Рубен Андерсен и Хокон Бюльль переглянулись.

– Но сегодня мы говорим не о той оценке оружия, – вмешался Бюльль. – Увы, дело куда более деликатное. Вначале я хотел бы извиниться, что мы не успели заранее ввести в курс советника. – У Бюльля явно был достаточный опыт учтивого общения с властями. – Далее хочу подчеркнуть щепетильность этого дела.

Он поймал взгляд Кафы и не отводил глаза, пока она не отложила ручку.

– Хенри Фальк был привлечен к работе с Министерством обороны, Министерством финансов и кабинетом премьер-министра. При прошлом правительстве я и сам участ-

вовал в начальной стадии этого проекта в качестве консультанта. – Бюльль сделал небольшую паузу. – У погибшего Хенри Фалька хранилась флешка с описанием этого проекта. Теперь она пропала. Если ее содержание станет известно общественности... в неверном свете, это повлечет за собой серьезные последствия.

– Вам придется объяснить, в чем дело, – произнесла Ветре ледяным тоном. Она не скрывала своего недовольства тем, что была осведомлена меньше всех присутствующих в этой комнате.

Бюльль кашлянул.

– Вы тоже присутствовали при разработке платформы правительства.

Ветре кивнула.

– В ходе переговоров «Хёйре» приняли требование вашей партии о том, чтобы отложить довольно крупные инвестиции в шесть новых самолетов-разведчиков. Вместо этого средства должны были пойти нуждающимся, на поддержку, лагеря и интеграцию беженцев.

– Все верно, – отозвалась Ветре. – Десять миллиардов крон. Важная политическая победа.

– Именно, – пробормотал Бюльль. – Этот договор более не действителен. Министр финансов Фисквик и премьер-министр Рибе решили, что необходимо купить пять самолетов-разведчиков, а остаток средств использовать, как и было обговорено. Украденные документы касаются этого реше-

ния. Выбора поставщиков, расходов, военных ресурсов, анализа разведки *et cetera*.

Есть тонкие способы продемонстрировать хамство. Один из них – завершить предложение «*et cetera*», словно мы находимся на уроке латыни в университете.

Еще есть тонкие способы выразить гнев. Кари Лисе Ветре поджала губы, сняла черный пиджак, разгладив рукава рубашки и поправив ее на плечах, потом встала и повесила пиджак на спинку стула.

– Это невозможно. Фисквик не может принимать такие решения одна. Они должны быть согласованы с центральным правлением партии.

– Как вы думаете, сколько времени пройдет, прежде чем дело размажут по обложкам газет? – Это вмешался Рубен Андерсен. Ветре сверкнула глазами в прищуренное лицо грызуна, но он не закончил.

– Мы живем в другом мире по сравнению с тем, когда правительство заступило на пост. По нашим фьордам рассекают российские подлодки. Их авианосцы патрулируют в нескольких километрах от береговой линии. Русские угрожают применением военной силы, чтобы достичь своих целей, даже здесь, в Европе. В тоже время на континент обрушиваются сотни тысяч иммигрантов. Искатели счастья и террористы, а американцы... мы даже не знаем, на чьей они стороне. Министр финансов Фисквик это понимает. Нужно защищать нашу страну. И мы это делаем, пристально следя за сво-

ей территорией и показывая НАТО, что мы выполняем нашу долю обязательств.

Рубен Андерсен обернулся к Фредрику.

– Мы будем очень благодарны, если полиция посодействует нам в поиске этой флешки. Речь идет о государственной безопасности.

Губы Ветре побелели как мел.

– Я отказываюсь сидеть здесь и обсуждать государственную политику с прислужниками премьер-министра, – резко сказала она. – Так не годится, Рубен. Так и передайте своему начальнику.

Она показала рукой, что встреча окончена.

Прощаясь, Ветре улыбнулась Фредрику тепло и грустно одновременно.

– Была рада вас увидеть, офицер. Хотя и при таких обстоятельствах. Удачи в вашем расследовании.

– А вам удачи с премьер-министром, – ответил он.

Глава 15

Стемнело, и около Министерства финансов кусачие снежинки с ветром врезались в лицо. Те немногие, кто мог находиться на улице, подняли воротники курток и, засунув в них подбородки, шли по улице, словно статисты из фильма Фрица Ланга⁴.

Кафа поехала домой на трамвае, и Фредрик хотел сделать то же самое, когда ему пришло сообщение. Номер был неизвестный, а подпись знакомая. Хокон Бюль. Тот, с которым он только что познакомился. Он хотел встретиться с Фредриком в баре «Бристоль».

– Что предпочтете, крепче или пиво? – спросил Бюль, когда Фредрик занял место за темным столом в самом дальнем одиноком углу заведения. «Бристоль-бар» был из тех, где обивка красных как лосось плюшевых спинок стульев пропиталась запахом крема для ботинок и пачек купюр.

– Я предпочитаю правду, – ответил Фредрик без тени иронии. – Что это только что было у министра финансов?

– Исполняющей обязанности министра финансов, – поправил его Бюль и выдавил нечто похожее на улыбку. – Это была демонстрация политических игр власти. Кари Лисе Ветре не могла отреагировать на все должным образом в вашем присутствии. Государственная политика не осуществ-

⁴ Фриц Ланг – немецкий режиссер 1890–1976.

ляется в присутствии третьих лиц. Это все, конечно, устроил премьер. И прислал своего ассистента.

– Так, значит, мы служили лишь декорацией?

– Все сказанное там – правда. Эта флешка имеет решающее значение. Премьер-министр Риббе просто хочет одним выстрелом убить двух зайцев.

– И вам нормально, что вас так используют?

Хокон Бюльль погладил обложку барного меню из змеиной кожи.

– Знаете, Симон Риббе не должен был стать премьером. Он был избран заместителем, когда вмешался в борьбу за лидерство в «Хёйре». Все думали, что Риббе стремился на пост государственного советника, чтобы потом вернуться в Оборону, откуда и пришел. Но он ухватился за представившуюся возможность. Избавился от соперника при помощи распространения сплетен и полуправды. Цинично, неспортивно и чересчур грубо. С тех пор он возглавляет партию. Я не питаю симпатий ни к Риббе, ни к его невыносимому статс-секретарю. Но именно в этом деле я с ними согласен. Нашей нации необходимо укрепить оборону. И я больше не политик. Я наемный солдат.

Он отложил меню.

– Мне показалось, вы и раньше встречали Рубена Андерсена?

Фредрик фыркнул. В этом он абсолютно прав. Когда Фредрик с Кафой расследовали дело о бойне в Сульру, ока-

залось, что пресса получила информацию с телефона Симона Риббе. В тот момент нынешний премьер был лидером оппозиции в Стортинге. Следователи предоставили эти данные Риббе, и он сказал, что телефон у него был украден. Обвинить Риббе в утечке информации полицейским так и не удалось. И премьер однозначно дал понять, что он и его крыса остались крайне недовольны обвинениями в их сторону. И они не забыли, что предъявил их им Фредрик. Но Фредрик не стал об этом рассказывать, а просто пожал плечами.

– Мы встречались, да. И я предпочитаю скотч. Односолодовый.

Бюль пошел к барной стойке, и Фредрик воспользовался моментом, чтобы его рассмотреть. Лицо округлое, как у пожилых мужчин, словно скоро скукожится. Под тонкими волосами проступали пигментные пятна. Он вел себя тут как дома и быстро вернулся с высоким тонким бокалом с красным напитком. Окунув пальцы в него и попробовав, он подвинул Фредрику его стакан.

– Люблю сладенькое, – сказал он. – Тут его отлично делают.

– Вы же сами из Обороны? – спросил Фредрик.

– Откуда вы знаете? Загуглили?

– Что-то есть в том, как вы себя ведете.

Огромный живот Бюля сотрясся от смеха.

– Хотите сказать, в том, что я привык добиваться желаемого? Вы правы. На самом деле, я и в полиции тоже рабо-

тал. — Он сделал паузу, будто чтобы посмотреть, как отреагирует Фредрик на эту информацию. — Но это было еще до вашего времени. Тогда все было проще. Я служил во флоте, и там нам предложили полугодовой курс в полиции. Несколько лет я проработал в Осло, а потом стал следователем, как вы. Больше всего меня привлекали встречи с преступниками на допросах. Потом, будучи уже в годах, я выучился на психолога и постепенно вернулся в Оборону. Там я несколько лет работал военным психологом, а потом стал политиком на полную ставку. И вот сижу здесь.

Он сделал большой глоток.

— Бейер. Я о вас слышал. Впечатляет, как вы предотвратили покушение на премьер-министра прошлой зимой.

— Спасибо.

— А когда я услышал о вас, мне сказали, что вашим отцом был Кен Бейер.

— Правда...?

— Я познакомился с вашим отцом во Вьетнаме. Вы знали это? Что норвежские военные моряки работали там на американцев?

Фредрик этого не знал, и Бюль продолжил рассказ. В то время он сам был молодым. Только закончил военно-морское училище, когда один из преподавателей, офицер разведки, его нанял.

— Перед тем, как война разыгралась по полной, норвежские торпедные катера были предоставлены в распоряже-

ние ЦРУ. Задачей было доставить южновьетнамских солдат «коммандос» по реке в Северный Вьетнам. Я был мастером – главным старшиной на одном из катеров. А ваш отец командовал базой, к которой мы относились.

– Вот оно что.

– Дерьмовая была война. Для меня – в буквальном смысле слова дерьмовая. Через несколько недель я заразился холерой. Знаете, к чему это привело? Мне дали кличку Засранец. – Хокон Бюль засмеялся так сильно, что затряслись плечи. – Мы с вашим отцом вместе смогли оттуда выбраться. Во время артиллерийского обстрела я сидел на унитазе, и у меня был такой жар, что я едва соображал, что происходит вокруг. Ваш отец вытащил меня оттуда и бросил в окоп, а снаряд попал прямо в тот хилый скворечник, который служил туалетом. От солдата, с которым я туда пошел, мы нашли только руку... Вашему отцу раздробило плечо. Кажется, ему потом дали за это «пурпурное сердце».

Фредрик кивнул.

– Так что Кена Бейера я никогда не забуду. Он, наверное, вам об этом рассказывал?

– Отец мало говорил о себе. И никогда о Вьетнаме.

Фредрик попытался сделать вид, что в нем ничего не шевельнулось. Бюль уже второй человек за короткое время, говоривший о его отце. Фредрик подумал, а не рассказать ли ему о Бенедикте Штольц? Что есть журналистка, преследовавшая Хенри Фалька до того, как его убили, и что теперь

она исчезла. Ментальная карта этого расследования постепенно становилась четче. Проступила местность, береговые ориентиры, а главное – дороги между ними. А что, если Бенедикте Штольц напала на след совершенно другой истории, совсем не про оружие, попавшее в руки террористам? Что, если на самом деле речь идет про самолеты-разведчики? Эта сенсация могла бы перевернуть все правительство. Горячая фантазия любого журналиста.

– Честно говоря, поэтому я вас сюда и пригласил, – сказал Бюль, прервав ход его мыслей. – Не для того, чтобы говорить о Кене, но если вы унаследовали хотя бы долю процента его личности, у меня есть кое-что, что может вам помочь.

– Так-так?

– Полагаю, вы проверили компьютер Хенри Фалька?

– Да. Документов, которые вы описываете, там нет.

– Да. Уже нет. Материал, к которому Фальк имел доступ, был, конечно, зашифрован. Чтобы его прочесть, нужен ключ шифра. Пропавшая флешка и являлась этим ключом. Тот, кто взял документы, знал, что ему понадобится ключ, и поэтому он просто загрузил их на ту же флешку. А потом удалил с компьютера Фалька.

– И зачем ему это делать?

– Полагаю, чтобы ни у кого не было к ним доступа.

– А мог Фальк добровольно отдать кому-то флешку? – спросил Фредрик. – Или, может, на него давили, угрожали, или... – Его прервал качающий головой Бюль.

– Нет. Я совершенно точно знаю, что флешка находилась в квартире Фалька в момент убийства. Ее забрали только на следующий день.

Фредрик затих. На следующий день после убийства. Когда они с Кафой были в квартире Фалька. И наткнулись на Франке.

– Откуда вы об этом знаете?

Мобильный Фредрика лежал на столе. Бюльль вставил в USB-порт палочку длиной около сантиметра.

– Вот так, – сказал он и вынул флешку. – Мы установили на нее ключ, но там есть еще и локализатор. Флеш-ка отправляет сигналы. Я поставил на ваш телефон программу, которая этот сигнал считывает.

– Так вы знаете, куда делась флешка? – Фредрик не смог скрыть удивления.

– К сожалению, сигнал довольно слабый. – Бюльль нажал кнопку на телефоне Фредрика, и открылась карта Осло. Тоненькая зеленая полоска показывала, что флешку забрали из квартиры Фалька на Тьювхолмене и увезли к северу города, а потом обратно в центр и на Шурсёя – огромную гавань на востоке города. Там сигнал пропал.

– Мы ее, конечно, искали, – сказал он с грустью. – Но безрезультатно. Так что мы предполагаем, что отправитель сигнала находится в каком-то помещении. Если флешку переместить, вы увидите сигнал на своем телефоне. Программа скажет вам, где именно находится флешка.

Фредрик кое-как доковылял до «Paris H», он был пьян. Почему он просто не поехал домой, когда Бюльль встал и застегнул свое длинное пальто? Почему он остался сидеть в баре в поисках счастья на дне стакана?

Потому что других дел у него не было. Рабочий день окончен. Ночь только начиналась. Дома его никто не ждет. Фредрик отправился в «Paris H», вспомнив об одной женщине. С темно-рыжими волосами, глазами цвета океана и игривой похотливой улыбкой.

Но ее тут не оказалось. Он купил себе колу и уже собирался уходить, когда в его столик вонзился прозрачный ноготь.

– Вы же Бейер, верно?

Она была моложе него, блондинка с точеной фигурой и улыбкой на лице.

– Мы знакомы?

– Я Стине, – представилась она и протянула руку. – Вы просто видели меня только в форме. Я работаю в отделе охраны порядка.

Глава 16

Когда он проснулся, окно было открыто, так что в комнате стало холодно. Но он не замерз, потому что сердце в груди бешено колотилось. Он так крутился во сне, что болели мышцы. По полу стелился холодный воздух, а Фредрик слушал завывания ветра. Взвизги ночных такси на Богстадсвейен и гомон пьяной молодежи, возвращающейся домой с вечеринок. Он слышал и ее звуки. Она завернулась в одеяло, забыв, что их двое, и размеренно дышала, и он попробовал дышать в ее темпе. В полутьме ее милые веснушки казались просто точками. В уголках глаз собралась тушь, рот с пухлыми губами слегка приоткрыт.

Фредрику не спалось. К нему вернулся он – мужчина с гладко выбритой, белой как лед головой, с шишковатыми остатками хрящей на месте ушей и с темной, kloкочущей дырой вместо носа, рта и языка. Если Фредрик погрузится в сон, звук ее ровного дыхания, шума с улицы и явившийся Фредрику призрак сольются воедино в гротескную шипящую ярость.

У этой ярости было имя, и Фредрик не хотел о нем думать. О Стаффане Хейхе.

Из мира сновидений его вытащил неприятный гул, и Фредрик понял, что все это был сон.

Гул становился сильнее – его телефон вибрировал на тумбочке. Картинки из сна ускользали. Шторы приглушали свет снаружи, а яркий экран мобильного резал глаза.

– Привет, Кафа, – голос Фредрика прозвучал хрипло.

– Доброе утро, Фредрик. Я тебя разбудила?

– Нет, конечно.

– Криминалисты попросили нас приехать на автомойку. Давай встретимся там? Мне надо с тобой кое-что обсудить.

– Ладно, – сказал Фредрик и приподнялся на локтях. Хорошо, что вчера перед сном он выпил две таблетки «Парацетамола» и пол-литра воды, спасибо опыту. – А сейчас ты не можешь сказать?

– Ты один? – спросила Кафа.

– Черт, ну конечно один.

Он нащупал выключатель и включил свет. Так-то лучше. Теперь он проснулся.

– Я не уверена, как правильнее к этому подступиться... – начала она. Я поговорила с компанией, отвечающей за охрану в доме Хенри Фалька. Чтобы проверить, есть ли записи с камер наблюдения. По их словам, эти видео передали в полицию уже на следующий день после убийства.

– Вот как?

– Это Франке попросил материалы, когда его впустил сторож. Он забрал с собой весь жёсткий диск, так что потом система лежала двое суток. Когда мы приходили, не осталось ни одного кадра ни с ночи убийства, ни со следующего дня.

Фредрик не ответил, лишь задумчиво прикусил губы. Старший офицер Франке Нуре. Кафа тогда еще удивилась, что он делал в квартире.

– Почему он никому не сказал, что забрал видеозаписи? Где они? – продолжила она.

– Уверен, этому есть какое-то простое объяснение, – пробормотал Фредрик. – Буду через полчаса.

Когда он спустил ноги на пол, из коридора донеслось шлепанье босых ступней.

– Я услышала, что ты проснулся, – раздался радостный голос. – Воспользовалась твоим душем. Надеюсь, ничего страшного. И взяла одну из неоткрытых зубных щеток в шкафу. Не была уверена, что тебе понравится, если я почищу твоей.

Нацепив очки на нос, Фредрик прикрылся одеялом. В дверях стояла высокая улыбающаяся блондинка. На ней была та же светлая блузка, что и вечером. Вокруг талии она обернула одно из его полотенец.

– Слушай, я не могу найти ни лифчик, ни трусы. Ты же не из тех, кто любит понюхать трусики? – Она искренне рассмеялась. – Если ты не против, я возьму одни из твоих боксеров. Лифчик у меня есть в шкафчике на работе. – Она взяла с письменного стола его любимые трусы, сбросила полотенце и надела их.

Фредрик откашлялся.

– Я скажу, когда найду твоё бельё... эм...

– Стине, – закончила она. – Можем встретиться в укромном месте в отделении и поменяться бельем. – Она косо улыбнулась. – Да я шучу. Кстати, спасибо за вчерашнее. Мне кажется, ты классный парень. Только немного мрачный.

– Спасибо. Это типа моя фишка.

– Это звонила твоя девушка?

Он захохотал. Слишком громко и слишком долго.

– Да нет, просто коллега.

– Как и я, – сказала Стине. – Не волнуйся. Я никому ничего не расскажу.

Слякоть замерзла в лед. Полицейское ограждение убрали, движение восстановили, и под бетонным мостом снова стояло облако выхлопов. Фредрик нашел взглядом Кафу и главу криминалистов, Тересе Грёфтинг. Обе они пили кофе на заправке около мойки. Ворота на мойку были открыты. Тела убрали, «Теслу» увезли. Мужчина и женщина, оба в защитных костюмах, собирали лампочки в пластиковый ящик. Вода на полу на холоде превратилась в красноватую ледяную корку.

Кафа с Тересе стояли у высокого столика в самой глубине кафе. Покупателей не было, и только молодая девушка за стойкой переворачивала сырные сосиски на гриле. На столике между следователями лежал один из пакетов с уликами и Кафин исцарапанный ноутбук.

– Быстро ты, – сказала Кафа и дала Фредрику одноразо-

вый стакан с надписью «Лучший кофе для лучших людей». Он понюхал его и заключил, что обе части высказывания – ложь.

– Не вижу смысла оставаться дома, когда вы, прекрасные лучики солнца, меня тут ждете, – ответил он, удивленный собственной веселостью.

– О, Фредрик! – воскликнула Тересе, прильнув к нему. На ней был толстый пуховик поверх защитного костюма, но Фредрик все равно почувствовал исходящее от нее тепло. – Это самое приятное, что мне кто-нибудь говорил сегодня.

– Разве ты не живешь одна с сыном-подростком?

– Именно. Так что это все объясняет.

В пакете с уликами лежала кисточка. Ее щетина была белой.

– Мы нашли ее в яме под снегом, в двух кварталах от квартиры Беаты Вагнер, – сказала Тересе. – На ней краска, идентичная той, которой была сделана надпись на машине Фалька.

– Отпечатки пальцев есть?

Тересе довольно кивнула.

– Какую новость хочешь услышать сначала, плохую или хорошую?

– Удиви меня.

Кафа бросила взгляд на продавщицу. Та решила оставить сосиски жариться в собственном жиру и зависла в телефоне. Кафа подвинула ноутбук Фредрику и запустила отрывок из

видео. Камера наблюдения с мойки. Картинка была плохого качества, и одна из металлических рамок моющего аппарата постоянно ездила туда-сюда, поэтому полицейские только в общих чертах могли увидеть происходящее. После того, как черная «Тесла» въехала в бокс, какой-то человек подошел к машине. Фредрик решил, что это мужчина – высокий и крепкого телосложения. С капюшоном на голове, он стоял, отвернувшись от камеры. Картинка пропала и снова появилась, и они увидели, как Фальк выходит из машины. Когда металлическая рамка исчезла, Фальк уже лежал перед «Теслой». В машине женщина пересела с пассажирского на водительское сиденье, потом автомобиль покрылся мыльной пеной. Когда щетки отъехали, на руле лежала женщина, а по лобовому стеклу тек темный ручей крови. Фальк был еще жив, когда моющий аппарат прошелся по его телу. Фальк ухватился за барабан, повис на нем, и тот поднял его наверх. Кафа остановила видео, и Фредрика передернуло.

Он только что стал свидетелем убийства двух человек. Но ничего особенного не почувствовал. Может, из-за плохого качества видео. Возможно потому, что не было звука и никакие вопли ужаса или предсмертные крики не разрывали барабанные перепонки. Фредрик надеялся, что в этом все дело. И что ему не было просто все равно. Что его больше интересовал убийца, чем жертвы.

– Примерно так, как мы и представляли, – заключил он. – Это не убийство с целью ограбления. Посмотри, как убийца

старательно избегает камеры. Он знает, что его снимают, и все равно действует. Это тщательно спланированная операция.

– Согласна, – кивнула Кафа. – Теорию о наемном убийце подтверждают улики, найденные в телефоне Фалька. Мы нашли его в кармане его куртки.

– Да?

– Фальк забронировал VIP-столик в одном из самых эксклюзивных ночных клубов города. Значит, убийца знал, что тот не поедет туда с надписью «предатель» на машине.

Фредрик вкручивал пластиковую крышечку на стакане, пытаясь не разлить горячий кофе на руки.

– Значит, я предполагаю, что хорошая новость – имя убийцы?

– По крайней мере мы знаем, кто держал в руках кисточку, – сказала Тересе. – Отпечатки пальцев принадлежат мужчине по имени Рикард Рейсс.

– Рикард Рейсс? – переспросил Фредрик. – Конькобежец?

Кафа закрыла окно с видео и открыла письмо из отделения.

Досье на Рикарда Рейсса оказалось километровым. Употребление и хранение наркотиков, распространение веществ и стероидов, приговоры за преступления с применением насилия и шантажа, за незаконное хранение оружия, вымогательство и покушение на убийство пятнадцатилетней давности.

– Кого хотел убить? – спросил Фредрик.

– Жену. Ее звали Ида Аксельсен. Поссорились по пьяни. Он ударил ее сковородкой так сильно, что она упала с балкона третьего этажа и приземлилась прямо в разожженный гриль на лужайке рядом с домом, где они жили. Она получила серьезные травмы и сломала спину. Парализована ниже пояса.

– А почему «звали»?

– Не знаю, жива ли она сейчас, – ответила Кафа. – Материал только что пришел. Ты сказал, он спортсмен?

– Если это тот же парень, конечно. В начале девяностых он был очень знаменит. Конькобежец. А потом получил травму и уже не восстановился. Ты разве о нем не слышала?

Кафа фыркнула.

– Пакистанцы играют только в крикет и поло. Никаких зимних видов спорта и свиных сосисок в термосе.

– Эти времена уже прошли. В наши дни на коньках бегают в помещении. Думаю, в киоске можно купить кебаб.

– Халяльный?

– Тут ты уже перегибаешь. – Он посмотрел на Тересе. – Ты-то хоть о нем слышала?

Тересе пожала плечами.

– Только потому что я белая? Я вообще-то не интересуюсь спортом.

Посмотрев в потолок, Фредрик застонал.

– Ну ладно. Не хотел никого задеть.

Тересе оставила коллег, чтобы помочь на месте преступления, и Кафа вперила взгляд во Фредрика.

– Ты подумал о том, что я сказала?

Он кивнул и рассказал ей о разговоре с Хоконом Бюллем. О программе, которая показала, что флешку украли из квартиры Хенри Фалька тем утром, когда они встретили там Франке.

– Согласен, звучит странно. Но не забывай, у него жена смертельно больна. Ему есть о чем беспокоиться сейчас. Я с ним поговорю.

Фредрик видел, что у Кафы было что-то на сердце, но она не стала рассказывать. Они принялись читать приговоры и протоколы допросов. После второго хот-дога с сырной сосиской Фредрик, сдержав отрыжку, дал понять, что он все прочитал.

Это действительно был конькобежец Рикард Рейсс. На допросах он рассказывал, что все его детство сплошь состояло из тренировок. Он занимался слаломом, биатлоном, играл в футбол, пока не оказалось, что его главный талант – коньки. Он выбрал дистанцию тысяча пятьсот метров. Три и три четверти круга по блестящей как сталь поверхности требуют мышечной массы спринтера и выносливости стайера. Малейшая невнимательность, неверный шаг – и ты просрал. Рейсс выиграл несколько норвежских чемпионатов, серебряную медаль Чемпионата мира и бронзовую на Олимпийских играх, когда случилась трагедия. Во время трени-

ровки спортсмен из другой команды при смене дорожки не рассчитал скорость. Он и Рейсс свалились с дистанции и, когда они врезались в рекламные щиты, острое как бритва лезвие конька соперника вонзилось Рейссу глубоко в бедро. В тот день, когда его товарищи по команде шагали по стадиону на церемонии открытия в Лиллехаммере, он лежал в больнице с перерезанной артерией. Домашние Олимпийские игры. Для спортсмена нет ничего важнее этого.

Физически Рейсс оправился, но психически уже был не тем, что раньше, так он объяснял на допросах. Во время тренировок он приобрел зависимость от болеутоляющих опиа-тов, а когда врач отказался их выписывать, Рейсс стал добывать таблетки на улице. Без достижений на льду исчезли спонсоры, и атлету Рикарду Рейссу пришлось найти себе другое применение. Сначала охранник, потом вымогатель. Он снова оказался на скользкой дорожке, но на этот раз без контроля. Рикард Рейсс скатился на самое дно. Ослепленный яростью, ревностью и алкоголем он попытался убить жену и был близок к успеху.

– Он отсидел четыре года, – сказала Кафа. – Потом он то ложился в разные лечебницы, то выходил из них. В конце концов его посадили на длительный срок за ввоз наркотиков. Два года назад он вышел из тюрьмы.

– Есть адрес?

– Да.

– Высылаю туда патруль.

Закончив телефонный разговор с отделением, Фредрик повернулся к Кафе. Она зачитала отрывок из досье на Рейсса: «Согласно этому, Рейсс избавился от алкогольной и наркозависимости во время отбывания последнего срока». В нем говорилось также, что Рейсс порвал со старым кругом общения и устроился на работу сторожем.

– Сторожем? Какой кретин будет нанимать преступника сторожем?

– Вот-вот. Не могу найти имя... – Ее голос угас, что заставило Фредрика поднять голову.

– Нелегалы, – выдала она. – Господи.

Фредрик обошел столик. На экране ноутбука Кафа открыла фотографию с освобождения Рейсса. На ней мало что осталось от того молодого парня, которого Фредрик помнил с кадров по телевизору. Длинные темные кудри спортсмена коротко острижены, а когда-то гладкие бритые щеки стали впалыми под широкими скулами. Фредрик ни за что не узнал бы в этом человеке с потухшим мрачным взглядом конькобежца Рикарда Рейсса. Однако он все равно его узнал.

Потому что мужчина на фотографии – сторож, которого они с Кафой встретили в дверях лифта в доме Хенри Фалька.

Глава 17

В полиции Осло существует негласное правило. Нельзя обвинить коллегу в том, что он негодяй. В мире настоящих негодяев таких людей называли стукачами. Им ломали пальцы, выбивали зубы или они попадали на деньги. В полиции их называли осведомителями, и наказание для них было намного меньше положенного. Подобным образом реагировали и на грязных полицейских. Заткнись и отведи глаза. Официальное обращение влекло за собой официальные бумаги. Те попадали в прессу, и начинался ад. Все хранящиеся скелеты в шкафу вытаскивали на свет. Фредрик имел за душой столько дерьма, что он даже не был уверен, осмелился бы обвинить Квислинга в нацизме.

Кафа взяла телефон и собиралась позвонить Себастиану Коссу. Чтобы рассказать инспектору о своих подозрениях в отношении Франке Нуре. Но Фредрик решительно схватил ее за запястье.

– Не вздумай, – прошипел он, и на них уставилась девушка с сосисками. Фредрик вытащил Кафу на улицу. – Это опасно! Ты не представляешь, каких демонов выпустишь наружу!

– Так что же, по-твоему, там произошло? – завелась Кафа. – Франке находился в квартире, где только что кто-то воспользовался компьютером. Исчезла флешка с государственными тайнами. Он был там вместе с уголовником.

– Возможно, у Франке были свои причины, – ответил Фредрик, пытаясь казаться невозмутимым. – Дай мне поговорить с ним. Вечером поеду к нему домой, и мы обсудим все в спокойной обстановке. По меньшей мере, это мы можем сделать – выслушать его объяснение.

Кафа подняла вверх указательный палец.

– Это должно быть чертовски убедительное объяснение. Иначе я на него заявлю.

Кровь стучала у Фредрика в висках, когда он стоял перед красным зданием в эклектичном стиле, где до своего исчезновения жила журналистка ТВ2 Бенедикте Штольц. Вилла располагалась за могучим корявым дубом, росшим поодаль от улицы в Фагерборге, всего в нескольких сотнях метров от здания ТВ в Мариенлюсте. От почтового ящика до входа в дом была расчищена дорожка, а в остальном, кроме нескольких птичьих следов, снег в саду был нетронут.

Окна наверху свидетельствовали о том, что в доме два этажа, или три, если считать чердак под крышей. Деревянные наличники с изящным узором обрамляли окна фасада. Шторы на них были задернуты.

Сколько стоит купить такой домик? Точно не меньше шикарной квартиры Хенри Фалька в Тьювхолмене. Но здесь богатство имело другой внешний вид. Не вульгарный и бахвальский, а, скорее, изысканно-чарующий и нарочито небрежный.

На узкой латунной табличке было написано «Виктория и Бенедикте», и Фредрик тут же узнал Викторию Пителль, когда та открыла ему дверь. Серебристо-седые волосы свободно ниспадали на плечи, и она была в том же пальто, в котором он видел ее в отделении.

– Старший офицер Бейер, – сказал он, протягивая ей руку. – Это я вам звонил.

Внутри вилла оказалась такой, какой он ее себе и представлял. В прихожей минималистичная вешалка в виде трех изогнутых стальных трубок, раскинувшихся ветками золотистого цвета на верхушке, стояла бок о бок со старинным комодом с руками обезьяны и лапами льва вместо ручек. Над ним висел плакат в рамке с выставки Энди Уорхолла в Музее Современного искусства в Стокгольме в 1968-м, с надписью *All is pretty*.

Пока Фредрик снимал куртку, Виктория говорила немного, лишь предложила ему что-нибудь выпить, проводив его по голубому коридору.

– стакан воды подойдет, – ответил он.

Она оставила Фредрика в гостиной, и он осмотрелся. Из KEF-колонок доносилась песня Томаса Дибдала «One day you'll dance for me, New York City», а на персидском ковре стояли несколько кресел «Scandia», как и положено, с накинутыми на них овечьими шкурами. Главный предмет мебели в гостиной был овальный стол длиной с диван. Он был расположен в нише перед полудугой из окон. Сквозь шторы

Фредрик увидел сад, а на столе стояли два компьютера и минималистская беспроводная клавиатура.

Пол скрипнул, когда Виктория вернулась с водой для Фредрика и чаем для себя.

– Спасибо, что позволили мне прийти. По-прежнему никаких признаков жизни от вашей сожительницы?

Милые морщинки вокруг ее глаз стали более резкими. Наверное, ей не понравилась эта формулировка. Признаки жизни. Но если не искать признаков жизни, что тогда можно искать?

Виктория и Фредрик опустились в кресла.

Виктория и Бенедикте жили вместе шесть лет. Они познакомились на конференции по интернет-журналистике, где спикером была Виктория, а Бенедикте – участником. Виктория была одинока, а Бенедикте заканчивала отношения. Спустя неделю они съехались. Виктория сказала, что Бенедикте очень любила свою работу, как и она сама, и выиграла немало призов за свои документалки. Детей у них не было. Бенедикте иногда навещала своего отца, а больше ни с какими родственниками они близко не общались. Бенедикте ходила в спортзал, на пешие прогулки и занималась йогой, а Виктория была больше склонна к культуре.

– Вы работаете из дома? – спросил Фредрик, кивнув в сторону стола.

– С защитой информации. Я продаю услуги различных компаний.

– Я так понимаю, дела идут отлично, – сказал он, похлопав по дизайнерскому креслу.

– Да, – ответила она без улыбки. – Я свое дело знаю.

– А вы знаете, чем занималась Бенедикте? Какие у нее проекты на работе? Кто ее источники?

– Что вы имеете в виду?

– Прошу прощения, что говорю это. Но я пришел сюда потому, что расследую двойное убийство. Хенри Фалька и Беаты Вагнер.

Двойное убийство. Еще одна формулировка, которая ее сразила.

– Это те, кого застрелили на автомойке? Какое отношение к ним имеет Бенедикте?

– Я надеялся, вы сможете ответить на этот вопрос. Я встретил Бенедикте вечером перед ее исчезновением, на званом ужине в замке Акерсхюс. Фальк тоже там был. Она рассказала мне, что он работает над одним... проектом, и она копает информацию по нему. Теперь Фальк мертв, отчет о проекте украден, а Бенедикте пропала.

– Что это за проект?

Фредрик сжал губы.

– Извините, это конфиденциальная информация.

Виктория тяжело выдохнула.

– Думаете, кто-то что-то сделал с Бенедикте? И это связано с этим отчетом?

– Я не знаю. Но, к сожалению, вполне естественно пред-

положить, что связано.

Виктория, окинув Фредрика изучающим взглядом, опустила глаза в чашку с чаем и помешала его – ложка застучала о керамику.

– Она мне солгала, – тихо сказала Виктория. – Тем утром, когда пропала.

– Правда?

– Бенедикте сказала, что ей позвонили с ТВ2 и попросили взять утреннюю смену. Меня это не удивило, они иногда так делают. Но сегодня я поговорила с ее начальством. В тот день замена им была не нужна.

– Тогда кто ей звонил?

Виктория не ответила. Поставив чашку на ковер и взяв со стола блокнот, она протянула его Фредрику. Она заштриховала страничку карандашом, чтобы можно было прочесть оттиск слова, которое, видимо, было написано на вырванном листке.

– Это лежало на ее тумбочке. Это может показаться странным, но... вы же понимаете, у нас довольно большая разница в возрасте. До того, как до меня дошло, что с Бенедикте могло случиться что-то серьезное, я испугалась, что она мне изменяет с кем-то. Но это слово мне ни о чем не говорит.

А вот Фредрику оно говорило о многом. Он понял, кто это. Имя, которое написала Бенедикте, было довольно отчетливым. Рейсс.

– Бенедикте когда-нибудь упоминала мужчину по имени

Рикард Рейсс?

– Конькобежца? Это его имя она записала? Она никогда... Бенедикте никогда не упоминала о нем. Я бы запомнила.

– Его имя всплыло в нашем расследовании, – сказал Фредрик. В глубоком кресле у него заняло колено. Он встал, распрямил ноги и повернулся к Виктории.

– Я читал протокол вашего допроса, когда вы заявили об исчезновении Бенедикте. Она ездила на красном «Мини Купере»?

– Ездит. Она ездит на красном «Мини».

Фредрик выдавил улыбку.

– Прошу прощения. Ездит, конечно. Я объявлю машину в розыск. Затем запрошу данные ее мобильного. Так мы узнаем, где она пользовалась телефоном в то утро.

Виктория положила руку ему на локоть.

– Спасибо, что серьезно к этому отнеслись. Я это очень ценю, – произнесла она.

– Я должен спросить у вас еще кое-что. Вы явно разбираетесь в компьютерных системах. Вы когда-нибудь помогали Бенедикте найти материалы для работы? Которые, возможно, не предназначались для ее глаз?

Виктория отняла свою теплую руку от его ладони.

– Вы меня спрашиваете, взламывала ли я чужие данные и крада ли информацию, чтобы помочь Бенедикте?

Он не ответил.

– Бенедикте никогда бы меня о таком не попросила.

Глава 18

Медсестра открыла дверь в палату, и порыв холодного ветра привел шторы в движение. Зазвенели медали, висющие на стенах над фотографиями девушки, с победоносной улыбкой держащей в руках лыжи, на груди которой выделялась табличка с номером. Рубашка на пожилой женщине развевалась на ветру. Она сидела в инвалидной коляске с мягкой обивкой с обеденным подносом на коленях. Ее морщинистая кожа покрылась мурашками.

В палате стояла не предвещающая ничего хорошего вонь. Сладковатый трупный запах. Медсестра закрыла дверь, и Фредрик остался наедине с Идой Аксельсен, бывшей женой Рикарда Рейсса.

– Тут пахнет смертью, – сказала она и жестом указала, чтобы он сел рядом с кроватью.

– Это точно. – Стул затрещал, когда Фредрик наклонился вперед, чтобы рассмотреть кроны деревьев на кладбище напротив дома престарелых.

– Раньше они заворачивали трупы в целлофан, – пояснила она. – Теперь никто уже не помнит тех умерших, и могилы решили использовать заново. А тела-то не сгнили. Тогда в гробы стали сыпать негашеную известь, и тела растворялись всего за несколько дней. Но не всегда все идет по плану, и могильщиков ждал неприятный сюрприз. Некоторые трупы

легко опознать. Но они воняют.

Ида Аксельсен поковырялась вилкой в лазанье из микро-волновки.

— У одного из церковных служителей тут живет жена. Он и рассказал мне об этом.

— Вы принимали участие в лыжных соревнованиях? — спросил Фредрик, кивнув на фото на стене.

— Там я с ним и познакомилась. Мы ходили в один клуб. С ним. Она имела в виду Рикарда Рейсса. Человека, которого подозревают в убийстве Беаты Вагнер и Хенри Фалька. Бывшего конькобежца, который так ужасно обошелся с женой.

Вдоль воротника ее рубашки Фредрик заметил истонченную кожу и шрамы от ожогов, шишковатые отметины там, где шампуры для гриля проткнули кожу до мяса. Ее лицо, плечи и бедра были одутловатыми от избыточного кортизола и депрессии. За длинной челкой понять выражение лица Иды было трудно.

— Знаете символ инь и янь? Черно-белый? Вот Рикард точно как этот символ. Пока он тренировался и бегал на коньках, побеждал и был известен, все было белым. Но когда это закончилось...

— Хотите сказать, его личность изменилась?

— Нет. В том-то и дело. Сейчас, вспоминая прошлое, я думаю, в нем всегда была тьма. Знаете эту старую притчу индейцев? Внутри каждого из нас живут два волка, и они бес-

конечно борются друг с другом. Первый – добрый, а второй злой. Тот, кто побеждает... – она положила в рот большой кусок лазаньи и жестом показала, чтобы Фредрик подождал, пока она завершит фразу, но он не смог удержаться.

– ...это тот, кого ты кормишь, – закончил за нее он. – Я видел это на Фейсбуке. Я так понимаю, вы интересуетесь коренными народами и ориенталистикой? – Книжная полка около кровати была полна подобной литературы.

К счастью, она успела дожевать, прежде чем ответить.

– Мне было чуть за тридцать, когда меня положили в эту палату. А сейчас мне скоро пятьдесят. Мои родители умерли, а сестра вышла на пенсию. Раз в месяц нас возят на автобусе в Арбогу, там мы пьем какао зимой и едим мороженое летом. Все остальное время я провожу здесь и пытаюсь занять себя чем-то, кроме ненависти к тому, кто отправил меня сюда. У меня вообще-то была неплохая жизнь. Пока я не встретила его.

Фредрик заглянул в блокнот.

– Медсестра, которая провела меня сюда, сказала, что он вас навещает.

Ида Аксельсен развернула коляску и потянулась, чтобы дернуть за висевшую над кроватью веревку.

– Если хотите кофе, он стоит десятку. Видимо, у нас в Норвегии все так плохо с финансами, что я даже не могу угостить гостя чашечкой кофе. Если вы не политик, конечно. Для них тут все бесплатно.

– Увы. Я слишком плохо лгу.

Она облизала нож.

– Когда Рикарду начали давать выходные в тюрьме, он стал приходить ко мне. Просил прощения. Говорил, что во всем виноваты наркотики, что он никогда не хотел причинить мне вреда. А потом его опять посадили, и он пропал. Потом опять вернулся. И так все время.

В дверь постучалась медсестра с кофе. Пока она убирала посуду после обеда, Ида открыла ящик тумбочки и достала оттуда баночку из-под варенья с визитками, монетами, винтиками и ключами. Высыпав содержимое себе на колени, она протянула Фредрику серебряное кольцо. Ее обручальное кольцо. На нем было написано: «Дорогая Ида. Я твой навеки. Рикард».

– Свое он носит на цепочке на шее. В своем мирке... Рикард всегда считал, что у него отняли уготованную ему жизнь – славу и признание. Он считает жертвой себя. Не меня. Когда я с ним развелась, он пришел в ярость. Потому что он не мог понять, как... такая, как я, жалкая и ничтожная, могла уйти от него. Рикард говорит, я должна его простить, чтобы мы оба смогли двинуться дальше. – Она похлопала рукой по коляске. – Но я-то идти не могу. А Рикарду нужно не мое прощение. А высших сил.

– Но он по-прежнему вас навещает?

– Не часто, – неожиданно резким движением она протянула Фредрику листок бумаги. Словно не хотела прикасать-

ся к нему. — Он звонил около месяца назад. Рассказал, что нашел работу. Сторожем! Естественно, звонок был только, чтобы похвастаться. Что он еще что-то из себя представляет.

— А вы знаете, где он работал?

— Да. На стройке. Там был их номер. Узнав это, я так разозлилась, что позвонила им и рассказала, какой он мудака. Но девушке на телефоне явно было все равно. Ведь это его знакомый из полиции нашел ему эту работу.

— Знакомый из полиции?

— Рикард поругался с одной из группировок в тюрьме, когда сидел за нападение на меня. Он заключил какой-то договор с полицией. И дал показания против тех, кто ему угрожал.

Так, значит, Рикард Рейсс был информатором. Стукачом. Крысой. Доносчиком. Дятлом.

— А что за знакомый в полиции? Вы знаете, кто он?

— Отлично знаю. Он сюда приходил пару дней назад. Пожилой мужик. Утверждал, что у него с Рикардом... договоренность. Кажется, он употребил это слово. Вид у него был недовольный, сказал, что не может дозвониться до Рикарда. Очень важно, чтобы я позвонила, если Рикард объявится.

В баночке Иды Аксельсен был порядок. Порывшись в визитках, она достала карточку с логотипом полиции. Фредрику не нужно было смотреть. Он уже знал, чье на ней имя.

Следуя из дома престарелых в Грефсене к метро, Фред-

рик не торопился. Что ему сказать Франке? Что он все знает? Или дать ему возможность объясниться? Рейсс получил срок за покушение на жену более десяти лет назад. Видимо, Франке знаком с ним с тех самых пор. Но кто кому помогал, Рейсс Франке, или Франке Рейссу? Иногда в этих дебрях не разобраться. Фредрику это было хорошо известно.

Зачем Франке помог Рейссу украсть тайны Хенри Фалька? Что старому уголовнику и еще более старому копу делать с флешкой, полной государственных тайн? Кто их туда направил?

У Франке Нуре должен быть чертовски убедительный ответ на все эти вопросы. Если нет, Кафа доложит начальству. И Фредрику придется быть на ее стороне. Черт бы ее побрал.

Глава 19

Фредрик понял, что что-то случилось, свернув на коротенький отрезок улицы между маленькими постройками в Ульсрюде, на самой окраине востока Осло, где дальше – только лес. Стены домов и заснеженные садовые деревья мерцали красным и синим, а в свете фар дежурных машин прохожие превращались в силуэты. Около коттеджа Франке Нуре стояли три полицейских автомобиля. У входа полицейский сдерживал любопытных соседей. Фредрик пытался пробиться сквозь толпу, когда почувствовал на плече чью-то тяжелую руку. Она, как оказалось, принадлежала пожилому мужику в пуховике и надвинутой на уши вязаной шапке.

– Бейер, что за чертовщина тут творится? Этот желторотый ничего не рассказывает старому копу. – Он сказал это громко, чтобы полицейский у входа услышал. Фредрик узнал мужика. Его звали Петтерсон, Рогер Петтерсон, если память ему не изменяет, вышедший на пенсию сотрудник из отдела по борьбе с преступностью. Когда-то они с Франке вместе работали, вместе ездили на охоту и были хорошими товарищами. Похожие и внешне, и характером, они принадлежали к тому типу людей, кто плывет по жизни на корабле, нагруженном равным количеством высокой самооценки и низкой способности к самоанализу.

– Не знаю, – ответил Фредрик и посмотрел на фасад дома

Франке – игру цветов на стенах и тени в окнах. – Вы тут живете?

– Все здесь живут. Мы зовем это место логовом копов. На этой улице после войны полицейским продавали жилье по специальной цене, и с тех пор ничего не изменилось. Остаться незамеченным, приехав сюда и арестовав кого-то, не получится.

– Арестовав? О чем вы?

– Франке только что увезли. В фургоне и в наручниках.

– Ох, черт, – выдохнул Фредрик. – Он узнал дорогую сумку Себастиана Косса, или *weekend bag*⁵, как инспектор сам ее называл, на пассажирском сиденье рядом стоящего автомобиля. Неужели Кафа все-таки сообщила?

– Мне нужно идти, – сказал Фредрик, хлопнув Петтерсона по плечу.

За полутьму у входа в одноэтажный дом Франке Нуре отвечали несколько высоких елей. Фредрик стряхивал снег с ботинок, когда услышал изнутри жилища баритон Косса:

– Пока поставим ограждения. А там пусть полицейский юрист решает, нужно ли присылать криминалистов. Видит бог, нам есть чем заняться.

Послышался звук шагов, и входная дверь открылась. Против света Фредрик увидел только силуэт начальника.

– О, Бейер. Смотрю, слухи уже поползли.

– Вообще я собирался сюда по другому делу, – пробормо-

⁵ «Сумка на выход» (англ.).

тал Фредрик. – Что тут происходит?

Косс бросил раздраженный взгляд на улицу и заорал на полицейского, чтобы тот выключил мигалку.

– Не нужно привлекать к этому прессу раньше времени, – мрачно сказал он и провел Фредрика в освещенный коридор. Там было по-уютному тепло, пахло жареным мясом и кислой капустой. Над облицовочной панелью висели засаленные варежки для кухни, к которым Фредрику даже не хотелось прикасаться. Из гостиной донеслись шлепанье собачьих лап и команды кинолога.

– Дела плохи, Бейер, – сказал Косс. – Сегодня мне позволили с нашего склада. Знаешь, что сделал этот идиот? Решил угоститься конфискатом. 1,8 килограммов героина, если быть точным. Франке был там тем вечером после ужина в Акерсхюсе.

– Да ты шутишь!

– Хотел бы пошутить. Этот кретин сбил настройки камер наблюдения. Но он не был в курсе, что мы только что установили бэкап-систему в подвале. Особый отдел заподозрил недостачу.

– Нахрена Франке два кило героина?

Косс повернул руки ладонями к духовке.

– Он ни слова не вымолвил, когда мы приехали. Стоял тут и жарил котлеты, а в следующую секунду протянул руки для ареста. Понял, что мы все выяснили. И проигнорировал мой вопрос о том, где находятся наркотики.

– Здесь их нет?

Косс застонал.

– Мы уже весь дом прочесали с собакой. – Он вопросительно взглянул на Фредрика. – А ты чего тут хотел?

– Уж точно не забирать 1,8 кило героина. Дело в том, что у нас с Кафой свои подозрения по поводу Франке. Полагаю, он замешан в краже флешки из квартиры Хенри Фалька.

– Что ты, черт возьми, сейчас сказал?

– Рикард Рейсс был в квартире одновременно с Франке. Они... двое этих недоносков давно знают друг друга. Рейсс был информатором Франке в тюрьме. Возможно, они сотрудничали много лет.

Косс запустил ладонь в свои светлые волосы.

– Боже мой. Рикард Рейсс? Тот, кого мы подозреваем в убийствах на автомойке? Если Франке имеет какое-то отношение к этой бойне, скандал нам обеспечен. О-бес-пе-чен, мать его.

Глава 20

What have we done with innocence⁶?

Кафа прибавила звук. Сто семьдесят пять ударов в минуту. Пронзительный вокал Дэйва Грола и забойный гитарный риф заглушали монотонное жужжание беговой дорожки. Включив скорость семнадцать километров в час, она намеревалась уложиться за три минуты пятьдесят секунд трека. Последние сто двадцать метров придется поднять до двадцати одного. Едкий запах пота мужчины на соседней дорожке сменился металлическим привкусом крови во рту. Капли пота со лба заливали глаза, и ничего не было видно... А он тут что делает в такую рань?

Кафа сосредоточилась на технике. Длинные легкие шаги. Пальцы выпрямлены, ритмичные движения бедер и рук. Краем глаза она заметила высокую худую фигуру мужчины, припадающего на одну ногу. Он встал за Кафой, и в зеркальной стене она увидела его несвежие каштаново-седые волосы. Усы задрались к носу – он пытался придать себе извиняющийся вид. Судя по кругам под сонными, похожими на собачьи, глазами, спал он крайне мало.

Песня кончилась, и Кафа сбавила скорость на дорожке, но продолжала бежать, когда Фредрик подошел к ней спереди. Она вынула из ушей наушники.

⁶ Что мы сделали с невинностью? (англ.).

– Слышала про Франке? – спросил Фредрик, и Кафа посмотрела ему в глаза, отпивая воду из бутылки.

– Да, – запыхавшись, ответила она. – Какой кошмар.

– Мы должны найти Рикарда Рейсса. Думаю, я напал на его след.

– Отлично. Но я пока на тренировке. Буду на месте через пятнадцать минут.

Пожав плечами, он ушел.

Когда Кафа вошла в опенспейс отдела по борьбе с преступностью, Фредрик сидел за ее столом. Разложив документы, он смотрел в свой мобильный.

– Не хотел тебе мешать, – сказал он, не поднимая глаз. – Я в последнее время плохо сплю. Призраки из прошлого.

– Понимаю.

Он наверняка надеялся на что-то более милое, но она могла предложить только это. Ей нравился Фредрик, дело не в этом, просто он относится к ней как к маленькой девочке. Кафа отлично знала, что стояло на кону, если она обвинит коллегу в сообщничестве с преступником. Но если они не доложат о Франке, о чем тогда говорить? Как бы то ни было, Франке явно не нужна помощь в копании могилы самому себе. А Фредрику стоит отбросить мысль, будто бы ей нужны костыли. Это он здесь хромой.

– Смотри, – произнес он, показав на один из листов на столе. – Это выписка с мобильного Рикарда Рейсса. Он не

пользовался телефоном со дня после убийства Фалька и Вагнер. Вышка, поймавшая сигнал, находится недалеко от Маридалсваннет, к северу от Осло.

– И?

Фредрик протянул ей свой телефон.

– Программа отслеживания флешки показывает, что она тоже находилась в той зоне тем же утром. Я думал поехать туда сейчас.

– Значит, Рейсс забрал флешку с собой, – констатировала она. – Но что ему понадобилось там, в лесу?

– После... нашего вчерашнего разговора, я сходил к Виктории Пителль, подруге Бенедикте Штольц, журналистки с ТВ2. В ночь убийства кто-то звонил Бенедикте. Либо сам Рейсс, либо кто-то, кто дал ей его имя. Она уехала еще до рассвета. – Он посмотрел на Кафу. – Штольц охотилась за документами на флешке. Они были у Рикарда Рейсса.

– Думаешь, Рейсс передал информацию Штольц? Что они договорились встретиться у Маридалсваннет и он там передал ей флешку?

– Это в лучшем случае. А может, его целью было просто ее туда заманить.

Массируя виски, Кафа закрыла глаза.

– По времени не получается. Бенедикте вышла из дома ранним утром. Но Рейсс ведь пришел в квартиру Фалька позже?

– Значит, в этот промежуток она делала что-то другое. –

Фредрик подождал, пока Кафа посмотрит на него. – Я не могу поверить, что это просто случайность.

Бело-серое небо сливалось с полем. Из-за ветра дорогу застилала снежная мгла. Кафа выехала из города.

Фредрик поехал в Маридалсваннет, а она направлялась к последнему месту работы Рикарда Рейсса. Номер, который полицейским дала его бывшая жена, принадлежал управляющему стройкой неподалеку от каменоломни, около мили на северо-восток от нее.

Кафа думала о том, что сказал Фредрик. «Это в лучшем случае». По данным реестра населения, Рейсс жил в социальной квартире в Грюнерлёкка. Патрульные, которые туда ездили, сообщили, что она была заперта и выглядела заброшенной.

Как-то нелогично, что Рейсс был тайным источником Бенедикте Штольц. А если так, то где сейчас журналистка? Если все делалось лишь ради того, чтобы украсть документы, зачем было так зверски убивать Хенри Фалька?

В жизни есть то, ради чего можно убить. Кафа это знала. Есть двери, которые открывать нельзя. Секреты, которые закопали так глубоко, что им суждено сгнить в земле. Что, если Фальк залез в нечто подобное? А Бенедикте об этом узнала? При таком раскладе флешка – идеальная наживка. А леса вокруг Маридалсваннет густые и темные.

Свернув с шоссе, она увидела огромную каменоломню,

но никакой активности там не было. Ни камнедробилок, ни бульдозеров, ни людей в светящихся куртках. Кафа поехала по широкой производственной дороге, пролегающей по краю котловины и уходящей дальше в лес. Здесь снега было намного больше, чем в городе, и местность выглядела непроходимой. Переехав гребень холмов, Кафа пересекла долину и остановилась на выравненной гравиевой площадке.

Как только Кафа натянула шапку на уши, из-за облаков показалось солнце. Это могло бы быть красиво: вокруг бескрайние заснеженные леса, долины и холмы. Но идиллию нарушали оглушительные удары гидравлических молотов и рев строительных машин.

Грохот доносился со стройки впереди. За забором возводились несколько промышленных цехов, у ворот стояла будка охраны.

Дженнифер Хоуп сварила такой крепкий кофе, что им можно было отпугнуть медведя-шатуна. Эта светловолосая женщина хрупкого телосложения обладала теплым голосом, но холодными глазами, мягкими руками и боксерским носом. У Кафы было множество представлений о том, как может выглядеть управляющий стройкой, но ничто в облике Дженнифер Хоуп не подпадало ни под одно из них. Кроме, разве что, ее ругани.

– Ну что, нашли вы этого поганца? – спросила она, раскрыв тайну, как пить это зелье. Четыре кусочка сахара и десять граммов сливок.

– Пока нет, – ответила Кафа. – Потому я и приехала.

– Он здесь больше недели не появлялся. И должна признаться, на Рикарда это не похоже. Он начал работу сразу и усердно выполнял свои обязанности, а теперь вот прогуливает.

Хоуп рассказала, что Рейсс работает здесь с начала стройки, с прошлой осени. Он сидел на вахте, регистрировал доставку материалов и следил за въезжающей и покидающей территорию техникой. Управляющая заставляла его спать на рабочем месте, но признала, что работа сама по себе ужасно скучная.

– А вы знаете, чем он занимается вне работы?

Хоуп пожала плечами.

– Да нет. Я в такое не вникаю. Но когда я взяла его на работу, он был очень озабочен тем, чтобы все шло по закону. Что работать вечером и ночью он не будет, что исправно платит налоги и все такое.

– А в этом есть что-нибудь необычное?

Дженнифер инстинктивно почесала нос.

– Нет, конечно. Мы же не в Турции, – она так посмотрела на Кафу, словно та была не в своем уме. – Мне показалось любопытным, что он упомянул об этом.

– Может, у него нет опыта работы. Полагаю, вам известно о его прошлом?

– О каком именно – конькобежном или уголовном? – усмехнулась Хоуп. – Конечно. Его бывшая жена мне звони-

ла. Но нужно же давать людям шанс, вы так не думаете? – Она подвинула коробку с сахаром через стол. – А что он такого натворил-то?

– Его имя всплыло в одном расследовании. Какой он человек, как бы вы его описали?

Хоуп пожала плечами, явно обиженная, что Кафа не ответила на ее вопрос.

– Да нормальный. Трахаться я бы, конечно, с ним не стала. Да и вы тоже. Вы, турки, не любите открывать винный погреб кому попало.

– Пакистан. Раз уж вы заговорили о том, откуда мои родители. Пакистан, это на границе с Афганистаном. А не Турция.

– Но там же, наверное, все то же самое?

– Понятия не имею, я там никогда не жила.

Дженнифер Хоуп смерила Кафу взглядом, словно между ними происходила дуэль.

– Вам понравился кофе?

Кафа не ответила.

– Мне нравится крепкий. Такой пьют в Турции. Ну ладно. Наверное, больше я ничем не смогу вам помочь.

– Турки не добавляют в кофе сливки, – сказала Кафа.

На мгновение Хоуп окинула ее взглядом.

– Да, конечно. Вы же мусульмане.

Кафа вышла на улицу, пока Дженнифер пошла в колодец

для слива, как она его назвала. Учитывая крепость кофе, Кафа подумала, что процесс затянется. Когда управляющая наконец вышла, на ней поверх комбинезона была надета огромная военная куртка.

– А что вы строите? – спросила Кафа.

– Завод по переработке мусора. Та старая каменоломня заброшена, поэтому ее будут использовать как свалку. Здесь будут сортировать отходы – такие, как холодильники и тому подобное.

– Посреди леса? И власти, отвечающие за окружающую среду, на это согласились?

– Здесь уже все устроено под отходы, требующие специального хранения и утилизации. Раньше этот лес был местом, где закапывали нацистские бомбы и гранаты, оставшиеся после войны. Они называли его Чернобыль.

– Чернобыль?

– Вы же слышали про тот взрыв, да? На атомной станции в Советском Союзе?

Кафа понимающе кивнула.

– Ветер дул в сторону Норвегии и, принеся с собой радиацию, распространил ее, так ведь? Беккерели и все это дерьмо. Пришлось зарезать кучу оленей и овец, пока они не стали светиться. Когда радиоактивную заразу сожгли, пепел осел вместе со старой взрывчаткой в долине. После этого власти закрыли территорию.

– Никогда об этом не слышала.

– Я думаю, об этом почти никто не слышал. Сейчас там огромный забор.

Глава 21

Фредрик припарковался между двух машин на стоянке к северу от Маридалсваннет. Он замерз и не стал глушить двигатель. Эту полицейскую машину без опознавательных знаков давно было пора заменить, но ему нравился старенький «Форд Эскорт». Наверное, потому, что эта машина была оборудована так, как надо. Рычаг скоростей, мощный ручной тормоз, рычаг поворотника и CD-проигрыватель. И все это не ломается каждый раз, когда Фредрик тормозит на светофоре. Единственная сеть в этой машине – массажная шариковая сетка, на которую Фредрик откинулся затылком.

Вдалеке, на краю леса, он заметил пару лыжников и стал вспоминать, когда в последний раз был в горах. Наверное, когда они расследовали бойню в Сульру. Бывший дом той секты находится всего в километре отсюда, чуть глубже в долине Маридал. Фредрик надеялся, что ему никогда больше не придется возвратиться в это место.

Сегодня ровно неделя с убийства Хенри Фалька и Беаты Вагнер. Неделя с исчезновения Бенедикте Штольц и с того момента, как небеса разверзлись и снегом покрыли землю. Фредрик в равной степени надеялся и боялся обнаружить красный «Мини-Купер» журналистки здесь, на обочине или среди холмов.

Надеялся потому, что это бы подтвердило первую часть

его теории. Что Штольц встретила здесь с Рикардом Рейсом.

Боялся потому, что это доказывало бы и вторую часть его теории. Что журналистку заманили сюда, а уехать самостоятельно она уже не смогла.

Фредрик проверил все до одного парковочные места. Объехал все местные дороги и спрашивал у всех, кого встречал. Ни одного заснеженного «Мини» он не нашел.

В раздражении он стукнул по экрану мобильного. Флешка должны находиться прямо здесь. Но где именно расположена точка? Фредрик приблизил карту. Зеленая тонкая полоска напоминала лишь плохую кардиограмму, проходящую по всей местности, через озеро и обратно. Тьфу ты. Он застегнул молнию на куртке до подбородка и вылез из машины.

Вдоль впадавшей в Маридалсваннет реки шла проселочная дорога. Сейчас на ней лежал толстый слой снега, но, возможно, до снегопада по ней можно было проехать? Фредрик знал, что дальше по дороге стоят пара развалюх-сараев и старая электростанция. Может, оставить машину тут? Ботинки у него, конечно, будут полны снега, он замерзнет, но сделать это придется.

Вскоре его окружили высокие деревья. Параллельно дороге тянулись лыжный след, тропы косуль и зайцев. Несмотря на холод, в кронах деревьев сильный ветер с воды превратился в приятный бриз, и солнце пробилось сквозь облака. Фредрик ощутил умиротворение. Или лучше сказать –

присутствие. Не только физическое, но и духовное. Тишина. Природа и небеса. Все это так близко. Так по-настоящему. Словно пробудились инстинкты. Интересно, Бенедикте Штольц тоже почувствовала нечто подобное? Поняла ли она, что что-то не так, догадалась ли, что у Рикарда Рейсса руки в крови, и просто залегла на дно? Фредрик на это надеялся. Очень надеялся.

У электростанции красного «Мини» не оказалось, а сараи по пути выглядели все более и более разрушенными. Дорога уходила дальше, и Фредрик уже не на шутку замерз. Почему он решил, что машина должна быть именно у этой дороги, а не какой-то еще? Это безнадежный путь, понял Фредрик и поспешил обратно к машине.

Преодолев последний сугроб, следовательно заметил мужчину, убиравшего лыжи в машину. Ему было за пятьдесят, ростом на две головы ниже Фредрика, в анорাকে, бриджах и шерстяных носках ручной вязки. Увидев Фредрика, он ухмыльнулся.

– Надо было вам идти на лыжах, – сказал он, кивнув на полные снега ботинки Фредрика. – Там есть лыжня.

– Это да, спасибо, – ответил Фредрик, руками доставая крупные снежные комки. По виду это был человек с высшим образованием, с домом в Уллевол Хагебю, любивший читать газеты по утрам и не евший мясо по понедельникам. – Вы часто тут ходите на лыжах?

– Так часто, как только могу. И на коньках катаюсь, если

снег не слишком глубокий, – ответил мужчина, кивнув на озеро на другой стороне дороги.

– Вы случайно не видели здесь красный «Мини Купер»? – За спрос не бьют.

– Сегодня?

– За последнюю неделю.

Всем своим видом мужичок показывал, как усиленно размышляет.

– Нет, не думаю. Вы потеряли машину?

– Я из полиции, – ответил Фредрик. – Ищу пропавшую женщину. Около тридцати, блондинка, стройная. Пропала примерно неделю назад, уехав на красном «Мини».

Мужик перестал корчить гримасы.

– Не видел. Но если она в лесу, то скоро появится. Тут популярное место для прогулок, не так-то просто спрятаться. К тому же, передавали смягчение погоды. Сейчас снега много, но предсказать, сколько его останется через неделю или две, невозможно.

– Ну что ж, спасибо за помощь, – недовольно пробурчал Фредрик.

– Что вы, не за что.

Он уже собирался сесть в «Форд», когда увидел, что мужчина смотрит на озеро.

– Она ведь не пошла по льду?

– О чем вы?

– Каждый год находится какой-нибудь дурак, считающий,

что лед везде одинаковой толщины. Но это не так – здесь есть несколько коварных мест. Пропала неделю назад, говорите? До того, как выпал снег, лед блестел как зеркало.

Фредрик сделал несколько медленных шагов к машине лыжника, ища телефон в кармане. В голове роились мысли. Если с Бенедикте что-то сделали, вряд ли преступник бы захотел, чтобы ее нашли. Снег растаял бы, а вот подо льдом ее нашли бы не раньше весны.

Фредрик открыл приложение, отслеживающее флешку. Приблизил черточку, которая вела к озеру.

– А где находятся эти коварные места?

Мужчина посмотрел на экран.

– Вот там, например, – Он указал точно на место, где линия меняла направление, возвращаясь к берегу.

Глава 22

Время шло, и нужно было строить город. Крестьяне, хюсмены и арендаторы земли устремились в столицу. Они хотели сбросить с себя ярмо бедности, оставили свои прядильни, мельницы, кузницы и лесопилки. Шхуны привязали у верфей и сгрузили запасы на пристани.

Его называли Городом тигра. Опасный и немилосердный к своим жителям. Чтобы прокормить растущего хищника, нужны были не только люди. Нужно было дерево для постройки домов, где люди будут мерзнуть зимой и гореть в пожарах летом.

Деревья из больших лесных массивов глубинки страны сплавляли по рекам к Маридалсваннет, к пилораме около южной оконечности озера. Но не все стволы доплыли до места. Некоторые затонули по пути и так и остались лежать на дне, постепенно разлагаясь. В ходе терпеливой работы бактерий выделяется метан, который поднимается к поверхности, что зимой делает лед пористым, а это опасно для всех, кто на него ступает.

Именно у такого места и стоял на четвереньках Фредрик Бейер, руками расчищая лед и откидывая снег по сторонам. Солнце отразилось в метровой ширины прямоугольнике льда и заиграло лучами в его причудливых трещинках льда и в бледном лице женщины. Сквозь гладкий серебри-

сто-серый лед кожа Бенедикте Штольц была похожа на бархат. Лицо застыло под водой, светлые волосы переливались в лучах солнца, открытые глаза были безжизненны. Кровь замерзла коркой на коже. Судя по всему, тело было выдавлено водой и прижато к прозрачной толще льда между Бенедикте и Фредриком. Словно озеро решило, что это существо, она, не должна быть там.

Солнце уже садилось, когда тело Бенедикте Штольц вытащили из воды. Водолазы привязали труп к пластиковым носилкам, волосы волочились по снегу. Журналистка была одета в сапожки, узкие джинсы и пальто – Фредрик узнал его – она была в нем тогда, в день их встречи. Он покосился на Кафу. Ее взгляд был отстраненным, и выражение лица понять было невозможно.

– Мне прислали данные ее мобильного, – тихо сказал Фредрик. – Пока я тут ждал водолазов. Ничего поразительного я там не увидел. Пока не заметил, что кое-что отсутствует. – С юга подул холодный ветер, и Фредрик плотнее укутался в куртку. – Бенедикте сказала подруге, что ей звонили с ТВ2 в то утро, когда она исчезла. Но согласно данным ее телефона, в тот момент там не было никакой активности. Ни звонков, ни сообщений.

Кафа повернулась к Фредрику.

– Ты говоришь, что сожительница подозревает Бенедикте во лжи? И что с ТВ2 ей никто не звонил?

– Да. Никто не звонил. Но ведь Бенедикте записала имя

Рикарда Рейсса в блокнот на ночном столике. Значит, кто-то ей все-таки позвонил?

– А может, они просто заранее договорились о встрече с Рейссом?

Фредрик выпустил из носа струю холодного пара, и его тут же унес ветер.

– Зачем она тогда встала посреди ночи? Если знала, что поедет на встречу с Рейссом, почему не предупредила подругу перед тем, как лечь спать?

Их разговор прервал крик из ямы в снегу. Тересе Грёфтинг держала в руках насквозь мокрую куртку, с которой стекала вода. Под белым защитным костюмом у Тересы наверняка надет толстый слой одежды, потому что криминалист была похожа на бесформенную и раздувшуюся версию себя.

– Куртка намертво примерзла ко льду под водой, в нескольких метрах от трупa. Вот что лежало в кармане, – сказала Тересе и протянула Фредрику кошелек.

Внутри находились водительские права. На блеклой фотографии у мужчины с короткими темными волосами и впалыми щеками были холодные, невыразительные глаза. Это был Рикард Рейсс. Еще в кошельке лежали несколько кредиток и пара купюр.

– Что... за хрень тут произошла? – Фредрик развел руками. – Бывший ас-конькобежец пригласил репортера Бенедикте Штольц на утреннюю прогулку вокруг Маридалсваннет, и они оба утонули? Это что, просто роковое стечение

обстоятельств? Там внизу еще один труп?

Тересе сложила куртку и убрала в пластиковый ящик. На лбу криминалиста обнажился след от резинки капюшона.

– Мы не нашли ничего, кроме его куртки. Если Рейсс упал в воду, логично, что он стянул ее с себя – она же тяжелая как камень. А течение могло унести тело, – ответила Тересе.

– Или куртку могли сбросить в воду, – предположила Кафа.

Тересе жестом позвала Фредрика и Кафу за собой к носилкам. Криминалисты упаковали тело в мешок, но не застегнули молнию. Особая аура воды, в которой было тело Штольц, теперь улетучилась. Теперь на ее шее ярко проступили темно-синие вены. Увидев лопнувшие в ее глазах сосуды, Фредрик почувствовал панику девушки, когда та поняла, что ее время истекло.

Рукой в тонкой голубой перчатке Тересе провела по шее погибшей, после чего решительно повернула ее голову набок.

– У нее здесь повреждение тканей, – сказала она, указав на рану за ухом. – Судя по осколкам кости, удар должен был быть очень сильным. Патологоанатом решит, это ли явилось причиной смерти. Удар мог произойти и в результате падения на лед... или чего-то еще. – Тересе резко застегнула молнию, и стальные зубцы плотно сомкнулись.

– У погибшей была связка ключей в кармане и сумка через плечо, – добавила она и протянула коллегам мокрую сум-

ку. — Я туда не заглядывала.

В установленной криминалистами палатке для водолазов, чтобы те могли переодеться, поесть и попить горячего, Фредрик с Кафой освободили место на походном столике и выложили на него содержимое сумки: кошелек, журналистский блокнот, несколько ручек, выключенный телефон и маленькую фляжку. Фредрик открутил пробку: фляжка была заполнена меньше, чем наполовину, и резко пахла лимоном и алкоголем.

Кафа пролистала блокнот. Многие страницы склеились от воды, но непохоже, чтобы на них было много записей.

— Что это значит? — спросила она. — Бенедикте приехала брать у Рейсса интервью, но ничего не получилось? — Кафа хотела отложить блокнот, когда из него выпал сложенный листок бумаги. Внизу было написано одно слово.

— Чернобыль? — прочитала она с удивлением.

— Тебе это о чем-то говорит?

— Вообще да... Всего несколько часов назад я говорила с начальницей Рикарда Рейсса. Она рассказала мне о старом могильнике со взрывчаткой недалеко от стройки, где работал Рейсс. Захоронение назвали «Чернобыль», потому что там были сожжены и закопаны трупы животных, зараженные радиацией, пришедшей в результате атомного взрыва в Советском Союзе.

Кафа аккуратно развернула бумагу. В ней что-то было. На старой, пожелтевшей и в разводах фотографии был запечат-

лен кирпичный дом в саду на отлогом склоне. Внизу извилистым шрифтом было подписано: «Вилла Равнли».

– Вот за чем охотилась Бенедикте, – вырвалось у Фредрика. – Она спрашивала меня об этом названии в тот вечер в Акерсхюсе. Равнли. Я думал это какое-то место, фамилия, или еще что... А оказывается, это вилла?

– Почему она решила, что это название тебе знакомо?

– Она сказала что-то о моем отце, считала, что он...

– Кен Бейер?

Фредрик удивленно взглянул на Кафу.

– Я разве тебе о нем рассказывал?

Она показала на бумажку. Под строкой с надписью «Чернобыль» был нарисован треугольник. В его центре яркими буквами написано «Организация». Но больше всего внимание Кафы привлекло написанное в одном из углов треугольника: «Кен Бейер».

Что же вообще Бенедикте сказала Фредрику, подходя к нему тогда во время ужина? Она явно пыталась составить общую картину из имеющегося у нее материала. Военный проект во времена холодной войны. И в ее работе над ним всплыло имя его отца.

– Твою мать, – бормотал Фредрик, читая надпись в другом углу треугольника.

– Номан Мохаммед? – Он покосился на Кафу. – Кто это такой?

– Бог его знает, – быстро ответила коллега.

Если бы Фредрик пристальнее наблюдал за ней, то увидел бы, как у нее побелели костяшки пальцев – так крепко она сжимала в руках бумагу.

Глава 23

Проселочная дорога где-то на юге страны в начале восьмидесятых. Она пересекает участок, посреди которого стоит старый сарай. За его стеной прячутся два мальчика, лет двенадцати-тринадцати. Перешептываются. Выглядывают из-за угла. Один из них – Рикард, смысленый и бойкий на язык парень из класса «В», как правило, ухитряющийся избегать наказания за коллективные проступки. Второй – Спичка. Такое ему дали прозвище. Можно было бы предположить, что это из-за его рыжих волос, но на самом деле причиной тому стала его крайняя вспыльчивость. Отец Спички – нефтяник и дома постоянно выпивал. Мать мальчика частенько била сына, пока тот не подрос и не ответил тем же. Спичка на голову выше Рикарда и намного сильнее. Теперь матери приходилось довольствоваться малым – она лишь разражалась бранью на своего отпрыска.

Идущий по проселку и приближающийся к сараю мальчик знает, что ему уготовано. Поэтому с силой сжимает предмет в руке. Он знает, что они стоят там, чтобы никто их не увидел. Это единственный путь из школы, поэтому они и ждут его там.

Он не знает одного – почему они выбрали именно его. Зачем они затаскивают его в школьный туалет и ссут ему в рюкзак? Почему именно его называют сукой и выпендрожником

и врут учителям, что просто шутят, а потом локтем бьют ему по почкам. Отец мальчика тоже нефтяник. Но он инженер, не пьет и купил семье хороший дом и дорогую одежду.

Значит, он все-таки все понимает. Так же, как и то, что как только он завернет за угол, они на него нападут. Мальчик большим пальцем проводит по острой игле циркуля.

Первым выходит Спичка. Этот всегда первый. Он выкрикивает что-то про сраного педика, а Рикард смеется и ждет, когда мальчик бросится бежать. Потому что он всегда так делает – Рикард обычно быстро его ловит, ведь он несется как пуля. Но сегодня мальчик не пускается наутек.

– Вы – сраные дети алкоголиков, – отвечает мальчик, твердо упираясь ногами в гравий. Спичка вспыхивает от гнева. Мальчик поднимает руку и ждет. Ждет, пока Спичка его повалит. И делает это. Прицелившись, со всей силы втыкает ему иглу циркуля в глаз.

Эту сцену из жизни обычно вспоминал Бредо Хольм, когда его спрашивали, почему он решил работать в тюрьме. Как он может спокойно находиться в каменных стенах среди чокнутых, наркоманов, педофилов и убийц. Не моргнув глазом, он всегда отвечал одно и то же.

– Я делаю это, потому что в этом есть смысл. Нельзя делать все, что хочется. Скверные поступки приводят к скверным последствиям. Тюрьма – это барьер между цивилизацией и анархией.

Кебаб, который он купил перед дежурством, уже остыл,

но Хольму так даже нравилось. Он любил вывалить на тонкую салфетку на тарелку с печатью «Тюрьма Осло» всю начинку и перемешать ее одноразовой вилкой, после чего поставить в микроволновку. Обычно он выставял самую высокую мощность на две минуты, но сегодня решил поставить на среднюю и на четыре. Этого должно хватить. Гул микроволновки заглушал шум в коридоре. Хольм не оборачивался посмотреть, что там происходит у заключенных, сосредоточившись на монотонном вращении тарелки. Соус запузырился и вытек, и Хольм почувствовал запах баранины в специях, распространившийся с паром от тарелки. Может, четыре минуты – это многовато? Но он все равно решил ждать. Когда раздался сигнал, он нажал на ручку дверцы, и она открылась. Пусть остывает, а он пока посмотрит, что происходит вокруг.

Кухонный уголок находился прямо около большого окна в конце коридора отделения «В-3», главного отделения тюрьмы. Перед окном стоял секционный диван. На нем никто не сидел, и телевизор был выключен. Хольм заглянул в курительную комнату, там был один Ларс. Бредо не знал ни одного заключенного, сидевшего в тюрьме дольше Ларса.

– Вечереет уже. Остальные парни легли спать. Кроме новенького. Кажется, у него какие-то проблемы, – сказал Ларс, прикурив трубку.

Бредо Хольм выглянул в коридор. С обеих его сторон под сводчатым потолком располагалось по десять камер. В од-

ном из дверных проемов торчали ноги. По полу растекалась кровь.

– Да, и правда, – ответил Хольм. – Кажется, он упал и ударился головой.

Он нажал кнопку сигнализации на ремне.

Двадцать минут спустя в камеру вбежали одетые в желтые костюмы врачи скорой помощи. До их приезда Бредо с коллегами перевязали рану заключенного и подложили под голову опору, но ничего больше они сделать не могли. Один из врачей спросил, как зовут пострадавшего.

– Франке Нуре, – ответил Бредо. – Полицейский. Он на предварительном, но руководство тюрьмы посчитало, что ему будет безопаснее тут, со старичками.

– Полицейский?

Охранник пожал плечами.

– В вынужденном отпуске.

– А вас как зовут? Мне нужно ваше имя для отчета, – сказал парень из скорой, когда Франке погрузили на носилки. Дыхание у него было свистящим, почти неслышным.

– Бредо Хольм. Но все зовут меня Спичка.

Погладив свой шрам около глаза, он вспомнил мальчика, который напал на него много лет назад. Спустя какое-то время этого мальчика нашли утонувшим в навозной яме в сарае.

Нельзя делать все, что хочется, подумал Бредо. Даже полицейским.

Он пошел мыть руки. Нельзя же есть с кровью на руках.

Глава 24

– Вы когда-нибудь слышали о бритве Оккама? Сидевший напротив новостного редактора Карла Сулли с ТВ2 пытался наколоть шпажкой для еды лежавшую на продолговатой тарелке креветку во фритюре. Сам Сулли ел говядину по-тайски. Он всегда заказывал тут или ее, или горшочек Тин-Тин. Названия обоих блюд он считал благозвучными. В редакции он постоянно втолковывал журналистам, что громкий заголовок всегда спасает плохую статью. Бритва Оккама? Ему нравилось, как это звучит.

– Нет, – ответил Сулли. – Просветите меня.

После того, как Карл Сулли стал новостным редактором, он сделал одно наблюдение. Нелюбовь элиты к прессе – всего лишь миф. В самих журналистах представители верхушки ничего плохого не видят. Но им не нравится, как те просто-напросто отказываются смотреть на все в широкой перспективе, всегда цепляясь за малозначимые детали. Журналисты не понимают искусства управления страной, вручающей Нобелевскую премию мира и в то же время желающей заработать на производстве сверхсовременного оружия. Страной, являющейся ярым поборником защиты окружающей среды и вместе с тем выкачивающей из глубин планеты миллиарды литров чернейшей на свете нефти.

А вот редакторы, напротив, мыслили подобно власти иму-

щим, не позволяя себе быть идеалистами. Они понимали, что мир – гротескная мазня в черном, коричневом и темно-зеленом цветах, и что славы добиваются словом, а не поступком. В беседах с редакторами элита все называла своими именами без прикрас.

Именно по этой причине новостной редактор минимум раз в неделю приглашал кого-то из правящих на ланч в «Диннер» на Стуртинггатен. Посередине между парламентом и Министерством иностранных дел, в пешей доступности от улицы Карла Юхана, Дворца, Ратуши и Тьювхолмена. На встречах никогда не бывало более двух человек, и теперь Карл Сулли ждал, что ему расскажет советник Рубен Андерсен. Крыса Рубен, как его называли.

Сулли поделился с ним и своим прозвищем – Хомяк. Андерсен никогда не оставлял лакомый кусочек нетронутым и все нес своему начальнику, премьер-министру Симону Риббе.

– Уильям из Оккама был монахом-францисканцем и философом. Вкратце закон Оккама основывается на том, что простейшее объяснение тех или иных явлений – всегда верное. Например, если полиция столкнулась с убийством – в девяти из десяти случаев его совершает супруг или супруга.

– Разве не дворецкий?

Андерсен ухмыльнулся из-под кровати.

– Это только в сказках. Так что теперь, когда правительство оказалось в ситуации, что министр финансов на больничном по причине диабета и высокого давления, какой ис-

ход самый очевидный? Что Вибекке Фисквик сбросит сорок килограммов или что Христианской Народной Партии придется выбрать нового лидера, и страна получит нового министра финансов?

Он проглотил креветку, выплюнув на тарелку хвостик.

– В правительстве единодушны и практически утверждают, что лидер ХНР займет этот пост. Так кого же выберет партия?

– Ага, – кивнул Сулли. – Значит, вы закидываете удочки?

Рубен Андерсен недовольно заворчал, продолжая вонзать в еду шпажку, словно гарпун.

– Вообще-то нет. Я лишь надеялся, что вы мне скажете, что это не Кари Лисе Ветре.

Ветре была заместителем лидера Христианской народной партии и занимала пост министра здравоохранения, а сейчас еще исполняла обязанности министра финансов. Сулли хорошо помнил ее со времен бойни в Сульру, где убили ее дочь, и Ветре пришлось брать опеку над своим внуком.

– Сколько уже маленькому Ветре? Лет пять-шесть?

Андерсен пожал плечами.

– Кажется, он пошел в школу.

– А премьер не хочет, чтобы Ветре стала министром финансов?

Андерсен поднял шпажку с выбранным гребешком и помахал им, словно указательным пальцем.

– Премьер-министр решает, кто будет в правительстве.

Тут никаких сомнений нет. Но если захочет переиначить волю ХНР, поднимется страшный шум. Ветре, бесспорно, хороший политик, но она живет в том же мире, в каком и некоторые ваши журналисты. В Диснейленде.

– Ну, – хмыкнул Сулли. – Когда правящего миром зовут Дональд, может это и не так глупо. Мои люди, по крайней мере, достаточно уверены, что это будет Ветре. Остальные лидеры партии – овцы.

Андерсен одним движением отправил гребешок в рот.

– Овцы – это хорошо, – задумчиво протянул он. – Они знают, что надо следовать за пастухом.

– А еще их часто едят волки, – заметил Сулли.

– Кстати о волках. – Андерсен отодвинул стул и поднялся. – Как вы планируете освещать прибытие в страну новейшего истребителя F-35? Это же крупнейшее событие в обороне с войны.

– И уж точно самое дорогое, – сухо ответил Сулли. – Видимо, отправим одного из наших диснеевских репортеров.

– Хорошо, – сказал Андерсен, залпом выпил вино и надел пиджак. – Служба зовет. Кстати, должен передать вам глубочайшие соболезнования от премьер-министра в связи с трагедией, случившейся с вашей журналисткой, Штольц. Она была профессионалом. Очень грустно, когда человек погибает в таком возрасте.

– Да. Это чертовски грустно.

Карл Сулли все утро мечтал о шоколадном фондане, но

когда к его столику подошел одетый в черное официант, то помедлил. Сладкого больше не хотелось, и он заказал двойной эспresso и стал рассматривать все вокруг себя. Стену, переходящую из темного цвета в светлый, восточные иероглифы, бамбуковые лампы и сотрудников – красивых молодых людей с восточноазиатской внешностью. Интересно, они все из Китая, или рассчитывают на то, что норвежцы не в состоянии отличить тайца или вьетнамца от китайца?

Размышления рассеяли внимание редактора, и он вздрогнул, увидев стоявшего перед ним мужчину. Тот был высокий и худой, с грустными глазами за стальной оправой очков, с сединой в висках.

– Старший офицер, – сказал Сулли, подперев подбородок кончиками пальцев. – Ищете бесплатный ланч?

Фредрик Бейер жестом показал, что хочет сесть, и Сулли кивнул.

– На ТВ2 сказали, что я найду вас тут, – ответил Бейер. – Мы с вами не общались с бойни в Сульру.

– Не было необходимости.

– Увы, теперь наши пути снова пересеклись. Я бы хотел задать вам несколько вопросов о Бенедикте Штольц.

С их последней встречи офицер заметно постарел. Да и сам Сулли тоже, время не остановить, но Бейер словно покрылся ржавчиной, круги под глазами выдавали недосып. К столику вернулся официант с чашкой кофе, и полицейский попросил стакан воды.

– Вы ведь знаете, что мы нашли ее подо льдом в озере? – спросил он.

Сулли смотрел, как кубик коричневого сахара медленно растворялся в кофе.

– Думаете, ее убили?

Бейер глубоко вздохнул.

– Как вы, конечно же, знаете, она охотилась за информацией по делу о норвежском оружии, обнаруженном в лагере террористов в Афганистане. В ходе расследования мы выяснили, что, возможно, она копнула еще глубже.

Шея стала горячей. Карл Сулли ненавидел это в себе – он всегда краснел при раздражении. Люди считывали его эмоции, словно с термометра. Бенедикте все еще лежала в холодильнике у патологоанатома. Довольно гадко со стороны полиции использовать ее смерть как рычаг давления, чтобы разузнать, чем занимался ТВ2. Сулли лишь пожал плечами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.